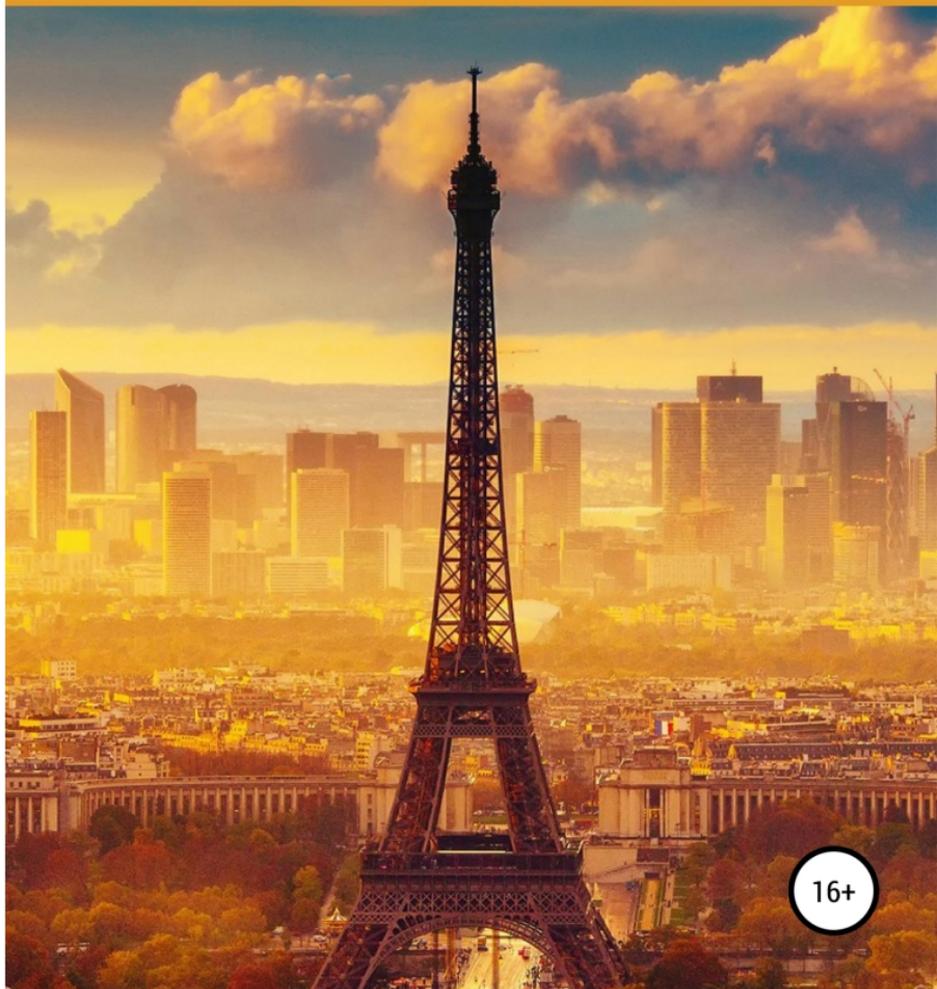

Надежда Черникова

СВЕТ

16+

Надежда Васильевна Черникова

Свет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66552808

SelfPub; 2021

Аннотация

История Максимилиана, стремящегося найти себя и любовь. Странные встречи ждут его на пути. Готов ли он к ним? И кем окажутся возникающие на его пути: видениями или реальными существами? Найдёт ли он то, что искал, встретив ту, которая окажется его миром? Все это только предстоит узнать, пока Солнце излучает перламутрово-золотой свет.

Надежда Черникова

Свет

Вступление

Дул ветер. Он лежал на траве, которая заслоняла часть неба, казавшегося каким-то грозным и неприветливым. Если бы он повернулся на левый бок, то увидел бы замок. Старый такой. Заброшенный. Как в сказке о спящей красавице. Но у него не было желания двигаться. Тело не ощущалось. Он мог им двигать, но был будто в космосе. Невесомость. Но это почему-то не удивляло. И ему было странно от осознания этого. Но в то же время свободно... легко. Мыслей не было.

А небо с каждой минутой становилось все темнее и темнее. Хотя, наверное, глупо при таких обстоятельствах говорить про минуты, про время в общем. Оно застывает. А может быть, наоборот, летит с такой быстротой, что его невозможно ощутить. Или вовсе пропадает. Но ведь до того, как что-то пропадает, оно должно появиться и быть. А времени нет. Время.... Наверное, все-таки не оно управляло тогда небесами. Наверное, они сами жили своей жизнью, независимой от времени, места и Вселенной.

Облака, теперь ставшие тучами, сталкивались. И теперь уже он, лежащий на траве и казавшийся небу муравьем, был словно на дне. Было ощущение, что он падает вниз, все глуб-

же и быстрее. И вот уже трава начала превращаться в водоросли и у них стали появляться щупальца, которые тянулись к нему. Земля начала поглощать его в себя, облака опускались все ниже и из них вылетали лепестки роз, рассеивающиеся в пустоте и недолетавшие до злобных водорослей. Замок, до этого казавшийся мрачным, но манящим, теперь превращался в стаю акул. Но они были какими-то странными... Глаза их, до мельчайшей детали похожие на человечьи, теперь побагровели и излучали бесовский блеск.

Он, отбиваясь от всего кусающего, толкающего и бьющего, попытался встать. Но в этот момент небо, находящееся в десяти метрах над его головой, образовало пасть и с душевраздирающими воплями, смешанными со смехом, поглотило его.

– Черт!

Это опять был сон.

Он открыл глаза и теперь наблюдал, как ручка, выпавшая из его руки, медленно, но четко катиться прямо под диван. И, кажется, она даже лавирует между разбросанными вещами, лежащими на ее пути, и посмеивается. Он потряс головой.

– Лишь кажется.

И, вставая из-за стола, включая блеклую лампу, чтобы увидеть хотя бы очертания маленького пишущего предмета, он начинал говорить сам с собой:

– Что ж ты, дура такая, так далеко укатилась? Как я тебя

теперь найду, черт побери! А ты тоже, молодец! – теперь он обращался к себе, и его интонация делалась еще более жесткой. – Даже ручку удержат не можешь. А еще написать что-то хочешь.

И он сжимал зубы до скрипоты и начинал бубнить, как можно грубее обзывая себя. Делал он это не потому, что очень самокритичен, а потому что ему больше говорить не о чем. Да и не с кем.

Глава 1

Родился он в довольно-таки богатой семье. Родители были, правда, строгие, но справедливые. С самых ранних лет пытались развить в своем чаде будущего гения, приглашая по два десятка учителей, в основном обучающих физике и математике. И хотя сами родители в этих науках были, можно сказать, «профи», ребенку никак не давались. Не понимал он всех этих цифр в математике и иероглифов, похожих на корчащихся змей на сковородке, в китайском языке. Да и в чем проявлялись его способности, никто никак не мог понять. Уж, как ни старались родители приобщить его к культуре, искусству – ничего не выходило. Пробовали даже несколько видов спорта, но и здесь им мягко говорили:

– Видно, что мальчик у вас хороший... способный.... Но лучше попробуйте что-то другое, – с доброжелательной улыбкой провожали взглядом отчаявшуюся мать с ребенком и закрывали дверь.

Можно подумать, что он был жуткий задира и проказник. Но это все не так. Он был, можно сказать, по характеру, мечтой каждой матери. В меру тихим, в меру говорливым. Почти не обманывал. Слушался. Не всегда конечно. Но кто идеален?

В школе «заводилой» не был, но и «тихоней» тоже не называли. Так и жил. Выйдет твердая тройка по какому-нибудь предмету из основных, трудных, уже радость. А если четыре, то вообще счастье. Родители репетиторов приглашать перестали, все равно толку нет, а деньги не маленькие. Хотели за границу в одиннадцать лет отправить, но подумав, поняли, что не надо. Нечего страну позорить.

Но все-таки у человека обязательно должен проявиться какой-то талант. И вот он начинает писать рассказы. Не плохие. А все из-за того, что влюбился в одну девчонку. В девятом классе уже, взрослый. И хотя он был не из робкого десятка, признаться боялся. А может, боялся не признаться, а услышать ответ. Второе, наверное, правильнее.

И так проходил день за днем. Худенькая стопочка исписанных листков теперь становилась все выше. Можно сказать, что писал он неплохо. Со временем, перешел с жалких рассказиков на романы. Успел один даже в издательство отправить. Там почему-то его не совсем хорошо приняли, но мать, чтобы не огорчать сына, за немалые деньги обо всем договорилась. Это была его первая книга. На обложке крупными буквами напечатано: «Максимилиан Орлов», ниже на-

звание.

Но не только на творчество влияет любовь. Максим стал еще и хорошистом. За полгода поднялся с хилых троек до четверок. Родители его будто пробудились: стали опять репетиторов в дом загонять, планировали в будущем передать часть своей фирмы.

И хотя Максиму все эти разговоры были не по душе, он безропотно кивал, показывая всем своим видом, что ему все равно, но он не против.

Тем временем, пролетал уже десятый класс. Апрель. А в любви он так и не признался. Все искал момента, но никак не находил. Вечно Она то с подругами гуляет, то некогда – уроки надо делать. Но все – таки это должно было случиться.

Был один из таких хмурых дней, когда хочется утонуть в одеяле, пить чай и смотреть на не путающиеся ниточки дождя. Она вышла из класса, полностью соответствуя погоде.

Позади, услышав:

– Что с тобой? – не обернулась.

– Ничего.

– Я вижу, что что-то случилось, – Максимилиан был настойчив, но не давил.

– Я же сказала, все хорошо.

– Хочешь, я тебя до дома провожу? – он улыбнулся и протянул руку, предлагая девушке снять портфель, для того, чтобы нести самому.

Та ничего не сказала, молча протянула сумку и пошла чуть впереди.

Странно, но тучи ушли и больше не заслоняли солнце. И то приятно задевало все, что находило. Оно спешило. Было уже поздно и поэтому солнце старалось отогреть все, что сможет, чтобы ночь не смогла пустить холодную паутину в вены всему живому.

– Так что случилось?

Они шли молча уже примерно четверть часа и теперь, от внезапного звука, разбившего мертвую тишину, Она испугалась и даже немного отпрыгнула.

– Да ну тебя! Чего кричать-то?

– Я не кричал.

– Кричал! – настаивала Она.

– Как хочешь...

– А чего это ты со мной соглашаешься, – казалось, Она лишь хотела найти повод, к чему можно было прицепиться.

– А что, нельзя?

– Можно.

Так прошло еще минут десять. Оказалось, его возлюбленная живет далеко. Но земля под Максимом была такой мягкой, что он думал – летит. А тяжелые, набитые бессмысленными учебниками, рюкзаки, были похожи на воздушные шары.

– Хочешь, я тебя завтра провожу? – предложил Максим.

– Зачем?

– Просто. Ну, так что?

– Да не надо меня провожать! Ни просто... никак. И вообще, чего тебе от меня надо?

– Люблю я тебя!

Сказал. Все – таки сказал. Не думал даже, не готовился. Хотя, нет, уже почти два года готовился. Каждый день. Но вот так, сразу, на одном дыхании! Но Максимилиан почему-то был уверен в себе. И теперь глаза его встречались с ее, образуя, как ему казалось, неразрывную нить. Казалось.

После минуты молчания Ее глаза сначала округлились, брови поднялись, выше некуда, а потом... потом Она просто засмеялась. Неприятно так, с каким-то похрюкиванием. А он не понимал, хорошо это или плохо. Он просто смотрел на Нее, не отрывая глаз. И вскоре Она, поняв, насколько неуместен в данный момент смех, приложила массу усилий, чтобы Ее лицо приняло серьезное выражение. Получилось.

– Любишь, значит? – не столько спросила, сколько ответила девушка.

– А может это весна? – Она улыбнулась. – Конечно, весна! Поверь, все пройдет. Это не любовь, это – весна!

И Она засмеялась, легко выхватила из его рук сумку и убежала. Смеясь, убежала.

И смех этот отражался от всего, к чему прикасался и с сумасшедшей силой кинжалами вонзался в грудь Максимилиану. И он, простреленный, раненный и избитый этим сме-

ХОМ, повторял:

– Это не любовь, это – весна... не весна... любовь... любовь...

На белой рубашке показались капли крови. Они тонкими паутинками, струившись, проползали в белый, слепящий глаза, снег. Свет фонарей, не понятно когда зажженных, теперь сливался с ночью. Но не плавно. Он как будто образовывал диаграмму, и она менялась, в зависимости от ритма биения сердца Максима. Под ногами уже была лужа крови, но звуки смеха еще, отталкиваясь от чего-то, вонзались иголками в почти безжизненное тело парня.

Диаграммы не стало. Свет от фонарей превратился в черный туман. Максим посмотрел на свою грудь и увидел, что на месте сердца была дыра. В нее влетал холодный ветер и, проползая по сосудам ко всем частям тела, делал их вялыми, тряпичными. Руки парня интуитивно стали собирать снег, хлопьями летящий на землю. Им он залеплял свои раны.

Но вскоре снегопад прекратился. Максимилиан стал собирать снег с земли пополам с грязью и окурками, стеклами и пакетами. Эту непонятную массу он вталкивал на то место, где должно было быть сердце.

Этот смех... Он звучал хуже всякого оскорбления. Он убивал. Но до того как это сделать, еще и пытал. Пытал так, что ребра впивались в легкие, а руки заламывало назад.

– Это не любовь, это – весна.

Глава 2

– Хочешь, я тебя укушу?

– Зачем?

– Ты умрешь.

Максимилиан сидел в парке, на скамейке. Со старого дерева, кое-где пораненного временем, свисал змей. Его хвост скрывался где-то в листве, кожа лоснилась, а глаза поблескивали.

– А зачем умирать?

– Глупец! После смерти ты опять оживешь, и, может быть, Она тебя полюбит. Хочешь, укушу? – зрачки животного сузились.

– А если я про Нее забуду?

– Она придет во сне.

– А если я Ее разлюблю?

– Тогда это не любовь, это просто... Так ты согласен?

– Не знаю.

– Боишься боли? – змей спустился немного ниже и теперь глаза его были напротив глаз Максима, – не волнуйся, ты даже не успеешь о ней вспомнить. Это то же самое, что вырвать у себя волос. Боишься?

– ...Что такое смерть, а? – у Максимилиана был безразличный взгляд, но в этот момент он повернул голову к своему собеседнику и «помощнику».

– Смерть... Она не страшная. Она просто делает тебя другим. Ты же испытывал такие моменты, когда ты слышал, ви-

дел, мог двигаться, но у тебя не было ощущения тела? – Максим кивнул. – Так вот это смерть. В этот момент в Вечности, из других элементов, собирается твоя новая «кожура». Ты этого можешь даже не узнать и не почувствовать после. Только эта смерть немного иная... Можно сказать – смерть в жизни. А вот если придут «настоящие», они уже будут жизнью в смерти. Мы все живем жизнью в смерти, но не все проживаем смерть в жизни, живя в смерти. Но и смерть, и жизнь – это любовь. И любовь – это жизнь. Но не смерть. Смерть и любовь равны жизни. Жизнь – смерти. Смерть – любви.

– Так если же смерть равна любви, но любовь не равна смерти, зачем ты хочешь меня умертвить? – не понял Максимилиан.

– Я не хочу твоей смерти, я хочу, чтобы ты ожил, – настаивал змей.

– А сейчас я мертв?

– Нет, – он помотал головой, – живой. Но не совсем.

– Как это?

– Ты не любишь.

Максим настолько широко раскрыл глаза, что они у него даже заслезились.

– Я? Не люблю?

– Да, потому что...

– Дядя, подай мне ленточку!

Максим повернул голову. На него смотрела девочка лет пяти. Она приветливо улыбалась и хлопала длинными рес-

ницами. На ней было летнее светло-зеленое платье, хотя на улице было достаточно холодно, босая...

Потом он перевел взгляд на змея, разговаривающего и просвещавшего его только что. Исчез. Только атласная лента, которую обычно вплетают в косы, покачивалась на ветру как кораблик на волнах. Максим протянул руку и боязливо стащил ее с дерева, отдал девчонке.

– Спасибо. Это ты ее туда повесил?

– Нет.

– А кто? – девочка продолжала улыбаться.

– Не знаю.

– А может он сам приполз? – она испытующе посмотрела на Максима.

– А разве он живой?

– Ты же с ним разговаривал.

– Разговаривал, – Максим опустил голову.

– Пойдем, утопим его в луже, хочешь? – от маленького милого создания это предложение звучало как-то странно, но Максимилиан не сильно удивился.

– Зачем?

– Он же хотел тебя убить?

– Оживить хотел...

– Как хочешь.

Девчонка повернулась и пошла по серой улице. Ступала она мягко, как по вате. Шла босиком. Но ей, казалось, все равно, что под ногами стекла и проволока. Шла настолько

легко, что можно было подумать – плывет. Может быть, она и не касалась ногами земли, кто знает. И вот ее силуэт уже стал сливаться с темнотой. И только свет от фонарей и луны делал ее заметной, потому что осветлял волосы. Можно было подумать, что она совсем не маленькая, и что ей хотя бы шестнадцать.

– Стой, – Максим крикнул уже в пустоту.

– Что?

Ну вот. Теперь ей и впрямь было шестнадцать. Может даже больше. И она стояла рядом с ним, в двух шагах.

– Как ты это сделала?

– Ты очень долго думал. Но я все-таки дождалась! – вместо ответа произнесла девушка. – Пойдем.

– Куда?

– Лужу искать.

Они пошли по дороге. Луна светила ярко. И если бы на земле была вода, они бы ее точно заметили.

Плеч Максима все чаще стало касаться что-то гладкое и сухое. Он повернулся.

– Что это?!

Волосы девушки, до этого момента столь красивые, теперь превратились в змей. Они пытались расползтись в стороны, беспомощно отталкиваясь от воздуха, но вращались в голову.

– Ой, – она провела по змеям руками, – извини. Хотя, ты бы все равно об этом узнал.

Максимилиан ненадолго застыл, а потом чуть ли не ше-

потом произнес:

– Ты Горгона?

– А ты смотрел мне в глаза?

– Да.

– Стал камнем?

– Нет.

Они вновь пошли молча. Постепенно пресмыкающиеся стали более спокойными, а потом и вовсе превратились в ко-сы и ленты.

– Так это твой... волос? – спросил Максим, показывая на ленточку, которую девушка держала в руке.

– Мой ребенок.

– А чего ты его так скрутила?

Этот вопрос звучал так по-детски, что незнакомка расхо-хоталась:

– Не волнуйся, ему не больно.

– За что ты его так?

– Как?

– Ну, в эту... в лужу-то?

– Нельзя указывать людям. Нельзя делать им больно. Ина-че, их уже черствеющие сердца станут железом.

Они шли по узким улочкам. В окнах изредка мелькал свет. А Максимилиан думал, от чего там не спят люди. Вон там, наверное, поэт пишет стихи. Да, точно, там такой свет. А там кто-то ссориться – на занавесках зигзагами бегают те-ни. А там кто-то кого-то целует...

– Тебя зовут как? – Максим не мог долго молчать.

– А какое имя мне подходит?

– Не знаю...

– Представь, что я немая. Как бы ты меня назвал?

– Эсперанса, – немного подумав и окинув ее взглядом, ответил он.

– Мне нравится. Можешь меня так называть.

– А где твое?

– Имя? А зачем оно мне? Сейчас я женщина, лет через сто стану женщиной. Для чего мне себя называть? Я есть – это самое главное.

Максимилиан был удивлен и поэтому продолжал спрашивать:

– А как же паспорт?

Она его не услышала. А может, просто сделала вид. Но отвечать не стала. Тогда Максим сменил тему:

– Почему мы будет топить его в луже? Это противно.

– А где надо? – Заинтересовалась Эсперанса.

– В озеро. Или в море.

– Так мы и идем к морю. Ты не заметил?

Это было чудо. Они завернули за угол дома, и перед Максимилианом раскинулся удивительный вид. На западе огромные высокие хранители-горы. Склон их был покрыт зеленою зеленой молодой травы, а верхушка вращалась в небо на столько, что ее не было видно. Дальше лишь мягкий туман. Максим взглянул на восток. Море. Тихие волны чуть

колыхали атласную гладь лазурного цвета. Был восход и поэтому по ней струились золотые нити. Вдали виднелась парадельфинов, которая, выпрыгивая из воды, ненадолго зависала в воздухе.

– Ты ведьма.

– Я – магия. А вот Она – ведьма.

– Кто? – не понял Максим.

– «Возлюбленная» твоя.

– Почему?

– А ты не заметил, что не любишь Ее? Что тебя убивает Ее смех? Что Ей тебя не жаль? Никого не жаль.

– А разве таких зовут ведьмами? Тогда почему Она не летает на метле? – он попытался съязвить.

– Ведьмы высасывают энергию, пытаются причинить боль. Даже если не пытаются, все равно причиняют. Они пользуются тобой, а потом выкидывают. И всегда, когда кажется, что их любишь – это не так. Ведь они сами не способны любить. А человек, или не человек, достоин любви лишь тогда, когда сами испытывают это чувство. Ведь любовь – это бесценная награда. Да, она не всегда взаимна, но лучше любить и всю жизнь страдать, чем быть просто куском мяса и костей на определенное количество времени.

– А ты кого-то любишь?

– Я же сказала, что я – магия, а не ведьма.

– Ты любишь одного человека во всех жизнях?

– Ну, во-первых, не человека. Хотя, бывает, что и их то-

же. А во-вторых, как я могу любить одного, если становлюсь другой, они становятся другими?

– Но говорят же, что любят раз и на всю жизнь... – задумчиво произнес Максимилиан.

– Так я и люблю. Один раз. На всю жизнь.

Под их ногами был песок, еще не успевший нагреться – влажный и холодный. Над ними кружили чайки, они обсуждали людей, у которых вчера успели стащить еду. Маленький крабик измерял клешнями песчинки, пытаясь поползти до воды.

– Ты меня любишь, Эсперанса?

– Я тебя не люблю. Но влюблена, – помолчав, ответила она.

– А какая разница? – не понял Максимилиан.

– Влюбляться можно, во что угодно и когда угодно. В человека, на которого ты хочешь смотреть. В человека, которого ты хочешь слушать. В непонятого существа, которое является во сне, и которого ты не можешь забыть. Можно влюбляться в огонь за то, что он так красиво живет. В ветер, который помогает лететь. В подснежник, за то, что он – первый цветок после суровой зимы. В саму зиму, потому что можно повалиться в снег, смотреть в серо-золотое небо и ни о чем не думать.

А любить... У любви нет синонимов. Есть ее составляющие. Но слов с таким же значением нет. Когда полюбишь – ты сразу об этом узнаешь.

Максимилиан заметил, что Эсперанса, говоря с ним, ни разу не засмеялась. Но ему казалось, что она улыбается. Наверное, улыбалась ее душа.

– Когда ты говоришь, все так просто. Твои слова... Я думаю, что влюбился в твои слова. Когда ты говоришь, реальность, будто растворяется. Становится так спокойно, и я ничего не вижу, кроме звуков твоего голоса. Ничего. Только звуки... И светлая тьма.

– Подожди, ты еще не полюбил никого. Вот полюбишь, тогда вообще ослепнешь от света. В хорошем смысле, конечно. Ведь тебе будет нравиться в ней абсолютно все. Вот что тебе не нравится во мне?

– Я не знаю... Наверное, что твои волосы-змеи.

– Вот видишь. А если бы ты меня любил, счел бы за преимущество. Кстати, мы про него забыли. Так нельзя, – Эсперанса отвязала ленточку со своей руки. – Бросай его в воду.

– Почему я? – растерянно пробормотал Максим.

– Я так хочу. Держи.

– А можно я брошу его в рассвет?

– Можно.

Максимилиан осторожно, даже бережно, взял ленточку в руки. Положил на ладонь, другой погладил сверху.

– А он не утонет?

– Узнаешь.

И Максим бросил. Прямо в то место на воде, где плавало восходящее солнце. Сначала ленточка превратилась в

змея, которого он уже знал. Потом появилось много пузырьков, которые становились похожими на золотые шарики из-за солнечного света. Змей стал удлиняться, с передней его части стала отваливаться чешуя... Что было дальше Максимилиан не видел – свет ослеплял. Но было понятно, что сейчас произойдет что-то волшебное.

– Прощайте!

Из воды Максиму и Эсперансе махал рукой русал. У него были достаточно длинные светлые волосы, которые спадали на плечи, но они ничуть не делали его женственным. Правильные черты лица, сильные руки. А глаза... глаза были, как солнце. Такие же яркие и золотые. Необычные, но очень красивые. И хвост. Он был такого же цвета.

– Ты сделал его таким. Ты – магия, – обратилась к Максимилиану Эсперанса.

– Но я ведь никого не люблю.

– Полюбишь. У Вселенной нет времени. Она совмещает все в одно: и прошлое, и будущее. Так что для нее, ты уже полюбил.

– А настоящее? Ты пропустила настоящее.

– Скажи слово «сейчас», – попросила Эсперанса.

– Сейчас.

– Ты когда это сказал?

– Секунду назад.

– Вот видишь. Настоящего не существует. Оно не может длиться даже одной тысячной доли секунды. Если ты будешь

смотреть в одну точку, на протяжении какого-то времени, и, как тебе покажется, ничего не измениться, ты скажешь: «Смотри, ничего не меняется. Длится настоящее». У тебя ничего не выйдет, потому что все равно произойдут какие-то действия, и все не будет оставаться без движения, без изменения и нарушений. Даже если рассматривать тебя как живущий организм. В твоих венах будет продолжать странствовать кровь, а сердце не перестанет биться. И после каждой нулевой доли секунды будет наступать прошлое.

Пошел дождь, хотя на небе не было ни одного облачка. Они сидели на пляжи, закопав ноги в мягкий прохладный песок, и ни о чем не думали.

– Ну, я пошла?

– Куда? – удивился Максимилиан.

– Не знаю.

– Это в первый раз, когда случилось так, что на мой вопрос ты не нашла ответа.

Эсперанса улыбнулась:

– Все знать невозможно.

– А зачем ты уходишь? Я тебе надоел?

– Нет. Просто не можешь же ты спать вечно!

– Это все сон?

Она посмотрела вдаль. Солнце уже поднялось высоко. Чайки разлетелись. Был слышен только шум прибоя и шепот ветра. Змей, ставший русалом, давно куда-то уплыл.

– Решать тебе.

– Но ты выглядишь так по-настоящему. Так реально.

– Я настоящая. А вот реальная, или нет...

Она поднялась и хотела уже идти, но вдруг остановилась, протянула ножку от циркуля, в которой была иголка:

– Держи. Это тебе на память. Вспоминай меня. Или хотя бы не забудь.

Эсперанса протянула Максиму маленький предмет. Он почувствовал, что руки ее холодны, как лед. Попытался их удержать, но она лишь улыбнулась и отдернула руку.

– Прощай, Максимилиан.

А он не мог ей даже ответить. Нет, он не страдал. Было как-то легко. И казалось, что все так и должно быть. Но если бы он захотел что-то изменить, у него бы получилось. Но Максим не хотел.

А Эсперанса пошла по воде. И волосы ее, развиваясь от ветра, были очень легкими и походили на паутину.

– Стой! – опомнившись, крикнул Максимилиан. – Когда ко мне придет любовь?

Она не ответила. Лишь повернулась и впервые засмеялась. Но от этого смеха Максиму стало так хорошо, что, наверное, даже лучше, чем, если бы она ответила.

А Эсперанса теперь перестала касаться босыми ногами глади воды и стала медленно подниматься ввысь, прямо в горящее золотое солнце. Потом она подлетела к нему совсем близко и... осыпалась в море лепестками роз.

– Прощай...

Глава 3

– Да не надо меня провожать. Ни просто... никак. И вообще, чего тебе от меня надо?

На Максимилиана смотрели хмурые глаза теперь столь чужой и даже... противной девушки. Он обвел Ее взглядом. Ничего необычного: жесткие темные волосы, подстриженные по моде, накрашенные глаза, которые без макияжа, наверное, станут блеклыми, ничем не примечательная фигура. А голос грубый и чем-то даже напоминает мужской.

– И впрямь, как ведьма! – и Максим бросил на землю Ее сумку.

Стал было уже уходить, но опомнился:

– Прости. Забудь, – с этими словами он поднял то, что бросил и пошел прочь.

А Она стояла и не могла произнести ни слова, настолько все произошедшее Ее ошарашило. Левая бровь поднялась выше правой и, казалось, если Она ее не опустит, то та так и останется не на своем месте. Она догадывалась, что нравится Максимилиану, а тут такое! В полной растерянности, с грязной сумкой, зажатой в окаменевшей руке, стояла Она долго на одном месте. Потом резко повернулась и быстрым шагом пошла к дому, сделав вывод, что «все мужики козлы» и Она в этом не виновата.

Во время всех этих событий Максимилиану было лишь

семнадцать лет. Придя в тот вечер домой, он понял, что его жизнь изменилась. В кармане пиджака нашел ножку от циркуля с иглой – это доказательство того, что Эсперанса все-таки есть и он не сумасшедший. Но все же крышу немного сдуло. Не снесло. Но сдуло. Первыми перемену в парне заметили его родители. Вроде бы все было хорошо: учился, ел, не скандалил, из дома не сбегал. Но появились странности в поведении. Он мог минутами смотреть в одну точку, казалось, насквозь и ничего не слышать и не ощущать. Мог начать говорить о чем-то необычном, но, видя, что взгляды родителей устремлены на него, быстро останавливался и менял тему. Книги Максима теперь стали непонятными и в издательстве их никто не соглашался принять.

– Я не понимаю, что с тобой? – убивалась мать. – Ты попал в секту? В какую?

– Мама, какая секта? Никуда я не попал. Со мной все хорошо, – медленно выговаривал Максимилиан и тяжело вздыхал.

Так получалось само собой из-за того, что родители устраивали допросы каждый день. Но и изменить теперь свой стиль жизни он никак не мог.

– Это порча! Сглаз! Нам теперь никто не поможет! Все мошенники, и никто тебя не вылечит! Или это все-таки секта? Дай мне свой телефон! – и она хватала со стола телефон Максима и принималась судорожно тыкать пальцами по экрану. Но покопавшись пару минут и не обнаружив ника-

ких входящих и исходящих, кроме ее самой, клала на стол и сама тяжело вздыхала, горестно покачивая головой. У нее были мысли насчет несчастной любви ее сына, к какой ни будь девушке, но оказалось, что и они не верны.

А время шло. Максим окончил школу и теперь сочинял всякую чушь, как казалось родителям, не желая продолжать обучение. Родители бились изо всех сил, борясь с кирпичным характером своего сына, за то, чтобы он получил высшее образование. Но Максимилиан или закрывался в комнате и писал, или вообще уходил не понятно куда, не хлопая дверью, но феерично взмахнув плащом или даже кепкой. А родители не могли его удержать. Постепенно обстановка накалялась и дома теперь все ходили напряженные и сердитые. Максим был спокоен. Ему, казалось, все равно, что делается вокруг. К лицу его прилипла маска с мягкой улыбкой, которая никогда не снималась.

Но вскоре родители стали не давать покоя и личного пространства, не давали сосредоточиться во время того, как он хотел что-то написать, яростно и громко читая в один голос проповеди.

Так долго продолжаться не могло, и однажды Максимилиан, в порыве гнева, не выдержал:

– Если вы позволите снять мне квартиру, мы останемся в хороших отношениях. Если нет, я уйду, и вы меня больше никогда не увидите.

Эти слова были произнесены не громко и спокойно, но

звучали весьма правдоподобно. И родители, зная характер Максима, поняли, что он намерен всерьез осуществить свои планы. Все попытки отговорить его от этой затеи были напрасны.

– Я не собираюсь всю жизнь снабжать тебя деньгами, – беспомощно, и как бы сердясь, говорила мать. – Рано или поздно ты все равно придешь и скажешь, что был не прав. Не думай только о настоящем, задумайся о своем будущем!

– Как я могу думать о настоящем, если его не существует? – тут Максим ненадолго запинался, а потом продолжал. – Не волнуйся, деньги я всегда достану.

При этих словах он собирался уходить, но добавлял:

– Не преступным образом!

Он и впрямь всегда был с деньгами. С небольшими, но все же деньгами. Есть дома перестал и приходил теперь только для того, чтобы переночевать. Отцу удалось узнать, что Максим подрабатывает грузчиком, а иногда и в баре, и уже ищет квартиру, которую можно было бы снять. Так как за девятнадцать лет в его копилке уже была кругленькая сумма.

– Мы купим тебе квартиру, – однажды произнесла мать. – Но денег больше не проси.

И она сделала то, что пообещала.

Квартирка была однокомнатная, маленькая. Коридор узкий, в комнате помещается лишь диван, письменный стол и шкаф для одежды. Но Максимилиану это и было нужно. Он незамедлительно собрал свои вещи и, поблагодарив за пони-

мание родителей, переехал.

Первое время Максим был очень счастлив. Мог делать все, что захочет, а именно: писать книги, ходить куда захочет и с кем. Хотя, чаще всего он предпочитал одиночество. Прогуливался по скверам, когда было уже темно, и зажигались фонари, ездил в парки, а потом, напившись энергетикой и эмоциями, садился за свой письменный стол.

Глава 4

– Почему ты светишься?

– Я из фосфора.

К Максимилиану теперь часто стали приходиться странные гости. Но он их не боялся. Наверное, потому, что они его не хотели напугать. Вот и сейчас перед ним стояло высокое человекоподобное существо, внешне схожее с женщиной, которое излучало тусклый хризолито-сапфировый свет.

– А почему ты из фосфора?

– Чтобы светиться.

– Зачем?

– Так страшнее.

– Для кого? – Максимилиан был спокоен и не испытывал сильного желания разговаривать, но слова произносились сами собой.

– Для людей, например.

– Ты пугаешь их?

– Да, – фосфорная женщина стала светиться еще ярче.

– Но ты ведь не страшная.

– А если так? – существо стало менять свой облик.

Краснела, чернела, меняла форму. Лицо ее стало теперь настолько ужасно, что его лучше не описывать. Получился настоящий дьявол.

– Ну как?

– Впечатляет, – пробормотал Максимилиан, слегка отодвинувшись подальше. – Но лучше верни свой прежний облик.

– Зачем? Тебе не нравится? – усмехнулась гостья.

– Нет. А тебе самой-то приятно?

– Я на себя не люблюсь.

Они немного помолчали.

– Почему, если ты пугаешь людей, не сделала этого со мной?

– Во-первых, я пугаю только плохих. А во-вторых... ты не совсем человек.

– Стоп. Плохих. Это те, которые воруют, убивают, да?

– Это те, которые не слушают меня.

Максим сидел за письменным столом. Горела лампа. И луна. Если выключить свет, все равно было бы светло. В загадочных рисунках изгибались тени. А вот от существа ее не было, но Максимилиан не предал этому особого значения, хотя его навестило чувство дискомфорта.

– А что значат твои слова про то, что я не совсем человек?

Вместо ответа гостья лишь произнесла:

– Хочешь сделаться таким, как я? Всего не пару часов.

– Не-е-ет, – протяжно ответил Максим. Более странного предложения он еще не слышал.

– Но мы ведь будем пугать плохих людей. Разве их дела не должны быть наказаны? Они делают все не так, как надо. Что же, мы будем сидеть и наблюдать за этим?

Максимилиан вспомнил было слова Эсперансы про то, что нельзя указывать людям и нельзя делать им больно, но... Слова существа звучали так убедительно, что он, удивляясь сам себе, согласился.

– Что я должен делать?

– Молодец, что согласился! – глаза незнакомки сверкнули очень подозрительно, и Максим уже был готов отказаться, но не успел... или не посмел. А та продолжала:

– Сейчас просто закрой глаза. А потом мы пойдем учить людей.

Максимилиан закрыл. То, что делалось с ним потом, было просто ужасно. Сначала было ощущение, что его засунули в духовку, потом из нее отправили в ледяную воду. Затем вонзали острые предметы, а после, все это сразу. К тому же, было ощущение, что по нему ползают какие-то гадкие склизкие насекомые. Максим попытался открыть глаза, но у него ничего не получилось. Единственное что радовало – не чувствовалась боль. Казалось, что это никогда не закончится. Закончилось. Максим открыл глаза. Все по-прежнему. Толь-

ко единственное зеркало, висящее на шкафу, завешено.

– Что ты со мной творила?

– О-о-о, тоже не слушался меня! – лукаво протянула гостья. – Если бы слушался, все было бы хорошо.

– Зачем ты завесила зеркало? Дай мне посмотреть на себя!

Максимилиан начинал злиться, но существу это только нравилось, голос становился таким мягким и в то же время противным.

– Не сейчас. Зачем? Ты очень даже красив! – она улыбнулась. – Полетели!

– Как?

Но та вместо ответа лишь застыла. Максим, повторяя свой вопрос, коснулся ее рукой. И в этот момент оказался на крыше незнакомого дома вместе с незнакомкой. Они даже не летели. Были там – стали здесь.

– Долго ты понимал, – недовольно промямлили напарница.

– А ты мне ничего не говорила. Я виноват, что ли? – голос Максимилиана был тоже неприветлив.

От этих слов незнакомка полыхнула огнем, лицо ее приняло свирепое выражение. Но внезапно, она, как будто что-то вспомнив, успокоилась и отвернулась.

– Отправь меня домой и сделай таким, каким я был.

Но она его не услышала.

– Видишь то окно? – она протянула руку в сторону противоположного дома, показывая на окно, где горел свет.

– Вижу.

– Там живет женщина, она работает в банке и вчера вынесла от туда деньги.

– И что ты с ней сделаешь?

– Не я, а ты. С ней ничего, а вот с ее сыном можно пофантазировать.

– А при чем здесь сын? – не понял Максимилиан и возмутился. – Разве он виноват?

– Он будет нести вину за своих родителей. Папаша его, кстати, тоже много всего натворил.

– Что же придумать? – рассуждала получеловек. – Можно, пожалуй, сделать его сумасшедшим... или инвалидом. Тебе что больше нравится?

– Ты в своем уме? – возмутился Максим. – Что ты творишь?

– Но-но-но. Не переживай так, – она приблизила к Максиму свою ужасающую морду, улыбнулась и прошипела, – каждый должен отвечать за свои поступки.

От этих слов под кожей пробежались мурашки, язык отвалился, и Максим, даже если бы захотел что-то сказать, не смог бы произнести.

– А теперь, – продолжало чудовище, – ты пойдешь и покажешься ему. Ладно?

– Я не знаю... Я не могу... – бормотал Максим.

– Иди же.

С этими словами незнакомка подтолкнула Максимилиана

на, тот свалился с крыши и повис в воздухе. Поначалу были очень не приятные ощущения: не за что держаться, нет предметов, от которых можно оттолкнуться.

– Беги.

И Максим побежал. Наверное, если бы его кто-то увидел, обязательно заснял на телефон, до того смешны и нелепы были его движения. Но спустя пять минут, тело стало привыкать к необычной обстановке, и теперь он мог продвинуться на пару метров. С горем пополам, Максим все-таки добрался до окна, где скрывался свет. Заглянул. Там и правда, сидел мальчик лет восьми, глаза его слипались, но он, раздирая их пальцами, продолжал читать книгу. Может, учебник.

– Пока не дочитаешь, спать не ляжешь, – послышался строгий, но любящий голос женщины – матери мальчика. – А потом ты мне должен рассказать содержание этого произведения.

– Мама, прошу, я уже ничего не понимаю. У меня болит голова! Я хочу спать! Пожалуйста!

Глаза ребенка были настолько жалостливыми, что Максимилиан подумал, что мать непременно согласиться, но нет.

– Ага, значит, как на стенах школы рисовать, так руки не болят? А как читать, так голова болит? Нечего дурью маяться! Тебе до двоек недалеко! – тут она повысила голос, но вероятно, опомнившись, произнесла совсем тихо и ласково:

– Дочитай, тебе уже немного осталось. После школы придешь, тогда выпишься.

И пацаненок принялся исполнять просьбу матери. Волосы его были белокурые и взъерошенные. Курносый, какие-то совсем маленькие младенческие руки, заканчивающиеся короткими пальцами. И весь по-отдельности он был не так уж красив, но вместе смотрелось все в нем очень просто и мило. У Максима даже промелькнула мысль, что этот ребенок не может даже муху убить, не то, что на стенах рисовать. И что его, наверное, подставили дети, которые уже в его возрасте злобны и мстительны, что он ни в чем не может быть виноват, кроме мелких шалостей.

В этот момент Максимилиана кто-то подтолкнул сзади, и он ввалился в комнату через окно.

Что было дальше, Максим смог вспомнить только позднее.

Мать в ужасе бросилась заслонять своего сына. Максимилиан же, забыв, зачем он здесь, попытался подойти ближе, но от этого стало еще хуже. Мальчик потерял сознание, и теперь его тело лежало на холодном линолеуме.

– Уйди, нечисть! Господи, спаси и сохрани! – повторяла женщина, судорожно крестясь и пытаясь заслонить сына.

Она приподняла мальчика, и Максим увидел, что вся голова его в крови. Максимилиан посмотрел в зеркало, висящее невдалеке, и не увидел отражения.

Глава 5

– Кто ты? – они сидели на крыше старого трехэтажного дома, на небе уже появлялись робкие лучики. Голос Максимилиана был гневен и раздражен.

– Я? А что со мной не так? – чудовище теперь опять стало фосфорной женщиной, эту фразу она произнесла с таким удовольствием.

– Ты убила этого мальчика! – голос Максима дрожал.

– Я? А разве не от твоего вида он потерял сознание? – незнакомка криво улыбнулась, поняв, насколько естественно ей удалось изобразить участливое удивление.

– Ты меня толкнула.

– Сэр, я вас умоляю! Вы сами согласились проучить их. Будете это отрицать? – она развела руками и застыла в ожидании ответа.

«Как такое возможно? Правда такая лживая!» – ничего не понимая, думал Максим.

– Лживая? Разве? – произнесло существо и ядовито улыбнулось.

– Кто ты? – голос Максимилиана был стальным.

– А ты как думаешь?

– Кто ты?

– Люция. Знаешь такую?

– Теперь да. Так значит, ты – бес...

– Да ладно? А кто сегодня покалечил мальчика? Ты! Понимаешь? Ты! – Люция ткнула пальцем в грудь Максимилиана. – И знаешь что, я ведь тебе ни разу не соврала. Представ-

ляешь! Та женщина на самом деле вынесла деньги из банка, потому что взяла кредит. Вынесла, а не украла! А мальчик, которого ты покалечил, должен был стать врачом. У него в дальнейшем появилась бы жена, а потом дочь. Он бы вылечил сына батюшки, и тот женился на его дочери. Они вскоре стали бы давать деньги на восстановление храмов или других значимых для общества зданий, помогли бы одной сгоревшей больнице. В эту больницу через пятнадцать лет пришел бы работать молодой врач, который впоследствии стал ученым и изобрел лекарство от рака. А ты все нарушил, понимаешь? Всю цепочку! Это сделала не я, а ты! Ты – бес!

С этими словами Люция обвела глазами парня, засмеялась и растворилась.

– Ненавижу...

Максимилиан осел по стене и слился с полом.

Глава 6

– Эй, хватит уже. Вставай.

Максимилиан открыл глаза. Эсперанса. Его квартира. Зеркало, все еще завешенное, обшарпанные стены, мебель... старая. И Эсперанса. Она уже не приходила к нему год и два месяца. Это он помнил. Хотя, не ясно, сколько провалялся без сознания. Может, уже два года не приходила. Или больше.

Максим попытался встать. Тело было таким легким. Он даже удивился, поняв, что, наверное, похудел, и теперь по-

хож на спичку. Не чувствовалось пола. Удивительно.

– Боже мой! Что это?

Максимилиан только сейчас заметил, что вся его квартира была в змеях. Ими был усыпан весь пол, они свисали с лампочки, которая, казалось, может отвалиться. Одно из существ даже разместилось на столе и с умным видом, напялив очки, перечитывало сочинения Максима и исправляло ошибки хвостом, макая его в чернильницу.

– Это все те, кого я перевела, – голос Эсперансы как всегда был спокоен и завораживал.

– Куда?

– Какие глупые вопросы ты задаешь... Помнишь того, что хотел тебя осчастливить?

– Как это, осчастливить? – Максим не мог ничего понять и чувствовал себя полной невеждой рядом с Эсперансой. Впрочем, так было всегда, когда она находилась рядом.

– Укусить. Помнишь?

– Кажется, да.

– Он тоже где-то здесь. Хочешь я его позову?

И она стала играть на пианино, только в воздухе, кистями рук. Змеи стали медленно расползаться в разные стороны, и приполз только один, как раз тот, который располагался на столе.

– Здравс-с-сте, – змей кивнул головой. С хвоста на линолеум капали чернила и растекались по его трещинкам-венам.

– Мы же его... – растерялся Максимилиан.

– Мы сделали его русалом, а душа змеи улетела сюда. Но я разрешаю им всем носить кожу, иначе могут замерзнуть.

– А ты? Ты тоже умерла?

– Нет, мне просто открыт доступ сюда... Они же мои дети, – после этих слов Эсперанса помолчала, посмотрела на шторы из змей, а потом добавила:

– Сходи на кухню. Там есть Мертвая вода.

– Зачем мне Мертвая? Тебя Люция подслала, чтобы меня убить? – Максимилиан не верил своим словам и производил их просто так.

– Ты уже мертв. Два часа, как мертв, – голос ее неизменно оставался спокойным. Как будто она рассказывала про то, как два часа назад шел дождь, небо стало неприветливым, солнце скрылось, а она сидела у окна, пила чай и наблюдала за настроением природы.

– Это она меня?

– У тебя разорвалось сердце.

– А мне было больно?

– Долю секунды. И все. А потом ты отдыхал и от того мира, и от этого.

– Всего два часа? Почему так мало?

– Это в вашем мире два часа. У нас-то больше. Так что иди на кухню и пей Мертвую воду. Когда очнешься на несколько минут на Земле, смотри не забудь выпить Живую. Увидишь, там будет черный пузырек стоять с надписью «Живая вода», понял?

– Понял.

Он прошел на кухню. В маленькой, непонятно из чего сделанной бутылочке, и впрямь была вода. Выпил. Ничего не произошло. Может так и надо?

– Ты рад меня видеть? – Эсперанса села на стул, скинув с него ползающих животных, закинула ногу на ногу, достала сигарету и закурила.

– Ты куришь?

– Да. Это так, на время. Потом перестану. Поверь, мне от этого ничего не будет. Я вообще могу курить столько, сколько захочу. Но я редко хочу.

Она выпустила белого коня, и он поскакал вверх, вниз, по кругу. Свет пронзал его тело, но ему, казалось, было все равно.

– Он не раствориться?

– Неа. Здесь воздуха нет. Ты не заметил, что мы не дышим?

Эсперанса продолжала курить, продолжала выпускать животных и даже некоторые растения. Теперь в комнате, помимо кучи змей, был еще и целый зоопарк в миниатюре. Все туманные,двигающиеся и не сливающиеся с пустотой.

Сигарета превращалась в окуроч. Эсперанса все чаще вынимала его изо рта и рассматривала, как жука. Потом затушила об стол и кинула в окно. В скатерти осталась маленькая прожженная дырочка.

– Это тебе на память, – бросила она и, помолчав еще пару

минут, задала снова тот вопрос, про который Максим уже забыл:

– Ты рад меня видеть? Ты скучал?

– Я скучал по твоему голосу... по твоим шагам, по улыбке и смеху, по глазам. Скучал даже... по волосам, которые совсем не волосы... – голос его дрогнул и сорвался.

– И я по тебе... скучала. Ну что, пора возвращаться?

– Пора, – Максимилиан пошел было к своему телу, но внезапно остановился. – А когда я оживу, ты будешь рядом?

– Нет.

– А когда ты придешь? – он хотел взять ее за руку, но это оказалось невозможным – не было тела.

– Никогда.

– Почему?

– Это плата за то, что ты совершил вместе с Люцией.

Максимилиан сел на пол и долго смотрел в одну точку. Туда, где не было змей. В его руках была ножка от циркуля, та самая, которую ему подарила Эсперанса в первую встречу.

– Сохранил?

– Угу.

– Храни. Она тебя спасет.

– Легко можно проколоть сонную артерию... – он приставил иголку к шеи, сейчас это было безопасно. Все равно мертвый. – А после смерти придешь?

– Моей или твоей?

– Моей.

– Нет.

– А после твоей?

– Увы, я никогда не умру.

А потом Максим уснул. Странно, люди думают, что после смерти нельзя спать. Оказывается, можно. А может это не сон? Может, они не правы? Нет, даже если не сон, все равно правы не они. Как они могут что-то знать?

Спал долго. Потом очнулся, думал, что уже живой. Но когда посмотрел в кресло, увидел Эсперансу.

– Я еще мертв?

– Да.

– А ты – точно ты? – кому-то этот вопрос мог бы показаться глупым, но она, да и он, уже привыкли к странностям. Или не отвыкали никогда. Кто знает.

– Я. Я дала тебе немного отдохнуть. Ты был слишком бледен.

– Спасибо. Как у тебя это получилось?

Она сделала вид, что не услышала вопрос.

– Тебе пора.

А можно я останусь? Ненадолго.

– Нельзя. Пора.

Он посмотрел в ее глаза. Когда он видел их впервые, даже говоря о смерти, они излучала радость и свет. Теперь же казались тусклыми и безжизненными.

– У меня есть одна просьба, – Максим жалостливо посмотрел на Эсперансу. – Улыбнись.

Она долго молчала. И ему показалось, она впервые не знает, что можно было бы сказать.

– Я обменяла улыбку на твою жизнь, – произнесла она и, как будто виноватая, опустила голову. – Пора. Иди.

– Зачем? Зачем ты это сделала?

– Я же влюблена.

Повсюду были лишь змеи и ни грамма воздуха. А Максимилиану так захотелось дышать, что он был готов задохнуться и умереть. Умереть...

Из глаз его медленно побежали ручейки слез. Он уже долго не плакал. Они были теплые. Живые. Душа может плакать? Может. Душа живее, чем тело, она может все. Удивительно. Люди ничего не знают о смерти. А он узнал. Будет ли он человеком, когда вернется на Землю? Будет. Ведь сейчас многие люди перестают быть людьми. Они стремятся обладать живучестью таракана, зрением кошки, они создают разную чушь, в надежде научиться летать без самолета и аэроплана. Придумывают супергероев, обладающих сверх способностями. Стараются стать ими. Для чего? Они говорят, что продвигают и улучшают человечество, но так ли это? Кто знает.

– Я могу обменять свои слезы на твой смех? – Максимилиан произнес это неосознанно. Так получилось само собой, слова звучали даже раньше, чем мозг мог понять, о чем сейчас будет идти речь.

– Нет, – Эсперанса отвернулась.

– К счастью, ты не умеешь врать.

– К сожалению. Ты хоть представляешь, что значит жить без слез? Нет, не представляешь. Это хуже, чем без смеха и улыбки, поэтому я отдала именно ее. Ты когда-нибудь замечал, что слезы бывают и горячими, и холодными?

– Нет.

– А надо замечать. Ты же плачешь не только тогда, когда тебе больно. Как раз тогда они холодные. Это просто реакция организма, они помогают отвлечься от боли, можно сказать, частично, она выходит через слезы. Но в этот момент ты не испытываешь никаких чувств. Поэтому слезы холодные. А когда ты плачешь от душевных переживаний – их делает горячими сердце. Понял?

– Угу. Но все же, я согласен от них отказаться, – Максим твердым взглядом смотрел на Эсперансу.

– Я тебя умоляю! Не надо. Мне прекрасно живется без улыбки. В душе я радуюсь!

Максимилиан помолчал, покрутил ножку от циркуля, смотря на нее, но не видя.

– Ты хочешь испортить мне жизнь, которую сама же подарила? Тогда мне не нужно подарков. Я не вернусь туда, – он бросил предмет, подаренный Эсперансой, и зашагал, сам не понимая куда. Сквозь стены.

– Стой! Стой! – она кинулась за ним, но была в теле. – Подожди! Максим! Стой же!

Было ясно, что он, не оборачиваясь, идет вперед. Она это

знала, чувствовала.

– Ты же говорил, что влюблен в мой голос, в мои глаза! Прощу, остановись! Выслушай меня, – все крики были напрасны и уходили в пустоту, тогда она почти шепотом произнесла:

– Я согласна.

Он остановился. Поговорит, а что дальше? Эсперанса снова будет смеяться... Но он ведь ее никогда больше не увидит. И не надо. Пусть она радуется других, пусть они влюбляются в нее...

А он? Что он будет делать в жизни? Здесь так спокойно. Зачем он будет возвращаться туда, где все шумят и не понимают его? Или просто не хотят понимать. Он будет жить без слез. И что же? Что делают слезы? Люди их не любят. Да и вообще, кем он будет, когда возвратиться? Кто он?

– Подойди.

Мысли Максимилиана внезапно прервал голос Эсперансы. Он был тихий. Но такой громкий, что его, казалось, мог услышать весь город.

Максим подошел к единственной стене, которая разделила его с Эсперансой. Сел, прислонившись к ней спиной, запрокинул голову. В это время она сделала то же самое. Они сидели так минут десять. Молча. И была счастливая печаль что ли...

– Я бы тебя отпустила, но ты же еще никого не полюбил.

– Никого.

– Поэтому я дарю тебе вторую жизнь. Это подарок. А меня ты больше никогда не увидишь.

– Кто поставил тебе эти условия?

– Разве это важно?

– Да.

Максимилиан коснулся рукой стены, Эсперанса тоже. Они чувствовали друг друга, несмотря на то, что не видели.

– Люция.

– Я так и подумал. И все-таки, я хочу увидеть твою улыбку, в последний раз. Иначе, я не приму твой подарок.

Он прошел через стену и оказался рядом с Эсперансой, она подала ему ножку от циркуля.

– Ладно. Продавай.

Она продолжала смотреть на него, он на нее.

– И что? Поменялись?

– Нет.

– А как это сделать?

– Тебе нужно очень сильно этого захотеть и подумать об этом. Понял?

– Вот я дурак! Можно было тебе ничего не говорить.

– Нет. Так ничего бы не получилось. Здесь, как в браке, нужно согласие обоих.

Максим представил ее смеющейся, такой, какой она была в первый раз, когда покидала его. Прошла минута.

– Все?

Эсперанса открыла глаза. Они были по-прежнему печаль-

ны.

– Я не согласна.

Максим сел на пол и уронил голову.

Но внезапно произошло чудо.

– Смотри!

Он поднял голову и сразу же просиял. Перед ним стояла счастливая Эсперанса, та самая, которую он хотел видеть. Глаза ее излучали счастье, лицо украшала естественная улыбка, волосы немного порыжели, но это делало ее еще более солнечной и неземной.

Так прошла минута, две, десять, а он просто смотрел, застыв от этой улыбки и очарования, которое она источала. Потом произнес не понятно зачем:

– Сколько тебе лет?

– Сто двадцать восемь.

– Мало. Я думал больше, – в глазах Максимилиана мелькнула нотка разочарования.

– Это только здесь. А если считать в общем, то я даже не знаю сколько. Просто, понимаешь, когда я нахожусь в... – Эсперанса задумалась и теперь смотрела в одну точку.

– В Пространстве?

– Можно сказать, и так. Я как будто сплю. Только сны не снятся. В таком состоянии можно «провисеть» век, два, сколько угодно. Но потом из частиц Вселенной начинает формироваться тело. Отсюда и идет отсчет. Еще можно учитывать то время, когда после смерти возвращаешься в то ме-

сто. Кстати, там не существует времени. И может случиться такое, что первую жизнь прожил, допустим, одна тысяче пятисотом году, а вторую на пятьдесят лет раньше. А может, и на тысячу... Но на Земле есть время, поэтому даже твои предки могут оказаться тобой, а ты об этом даже не знаешь. И не узнаешь. Хотя вероятность этого не более двух процентов.

– Все так запутанно просто...

– Все просто сложно... сложно просто.

Они посидели еще пару минут, а потом Эсперанса с сожалением произнесла:

– Ну все. Прощай, – и улыбнулась.

– Может, все-таки, до свидания?

– Прощай.

В комнату заглядывало солнце, чешуйки змей от этого переливались всеми цветами радуги и блестели, Максимилиан просвечивался насквозь и был похож на туман, а волосы Эсперансы полыхали, как огонь. И, наверное, никто бы не подумал, что они могут превращаться в столь мерзких существ. Хотя... Они не выглядели противно, комбинируясь с ее внешностью.

– Я вспомню о тебе, когда загорится костер, когда я увижу закат и... рассвет, наверное, тоже. Я вспомню о тебе даже тогда, когда наступит тьма. Я вспомню тебя, и она рассеется. Ты будешь звездой. Вспомню тогда, когда даже сам погасну, и ты, я знаю, отогреешь мне сердце и просветишь мозг. Ты

побежишь по моему телу вместо крови, ты разожжешь во мне желание БЫТЬ дальше. Даже когда я умру, я все равно тебя вспомню, вспомню, что первый раз умер рядом с тобой. И даже если когда-нибудь меня спросят: «Кто такая та девушка, с лучезарной улыбкой и волосами, превращающимися в змей?», а я не смогу ответить, знай, я все равно в подсознании, сознании или... еще не понятно где, помню тебя. Потому что тебя, Эсперанса, я почти полюбил.

Максимилиан выдохнул.

Люди такие слова говорят только своим любимым. Но разве влюбленность не может быть сильна? Да, это была именно влюбленность. Влюбленность. Не любовь. Как он это понял? Возможно, после смерти, многое становится понятным, там проще сделать выбор. Там можно так же жить.

Эсперанса продолжала улыбаться, но Максиму показалось, что она бы сейчас с удовольствием расплакалась. И эти слезы были бы не холодные, от боли, а теплые, согретые сердцем. Но она держалась и лишь стала чаще моргать.

– Я тоже тебя буду помнить. Всегда. Буду.

Максимилиану было достаточно даже слова «помнить». Ему не обязательно было слышать все то, о чем думала Эсперанса. Зачем? Он это чувствовал. Каждую ее мысль, каждый удар сердца, каждый вздох.

Эсперанса перевела взгляд на тело, которое было уже давно забыто. Максим подошел ближе. Жалкое, жалкое зрелище! Белое лицо, слегка не складное тело, длинные пальцы,

как у пианиста. И все это... такое мертвое. Мертвое.

– И что мне нужно делать?

– Ложись. Когда проснешься, смотри не надорвись! – она захохотала. – Прощай, Максимилиан!

– Прощай, Эсперанса!

Глава 7

Максимилиан открыл глаза.

– Боже мой! Какая тяжесть! – это единственное, что он мог произнести.

Тело его было, как будто придавлено сверху машиной. И снизу. И с боков. Но вскоре он понял, что это тело давило на него, казалось, оно сейчас втянется вовнутрь и, ломаясь, затрещат кости. Зрение ухудшилось, но ведь та и было раньше. Тяжело было даже пошевелить пальцем, чувствовалась мощная сила тяжести. Максимилиану потребовалось минут двадцать, чтобы он смог поднять голову. Сел. Ни Эсперансы, ни змей. Не завешенное зеркало отражает его – беспомощного и постаревшего в свои двадцать лет, его тусклые глаза, тонкие губы, худое лицо... Отражает распахнутое окно, в которое влетает и разносится по квартире свежий утренний ветер, весенний щебет городских птиц и несмелые лучики восходящего солнца.

– Эсперанса, я помню. Слышишь? Помню! – прошептал Максим.

Он попытался встать. Рядом с ним и впрямь стоял черный пузырек с надписью «Живая вода». Максимилиан заулыбался:

– Как в сказке!

С этими словами он выпил содержимое сосуда и почувствовал себя гораздо лучше. Он встал на еще дрожащие ноги, неуверенно подошел к окну, наполнил легкие свежим воздухом. Дышать. Теперь снова придется дышать.

Максимилиан постоял еще недолго, не думая ни о чем, а потом направился к выходу.

Он жил на девятом этаже. На последнем. Так что он мог спокойно попасть на крышу, у него были ключи. Все замки открывались быстро и легко, подняться по ступеням и лестнице не составило никакого труда.

И вот он наверху, над всеми, над всей планетой. Серая крыша, напротив серый дом, потом еще один, но этот с глазами, опять серый дом и еще один, и еще... Дерево, броская вывеска, дорога со стертой «зеброй», парочка помятых оцарапанных автомобилей, девушка с собакой, раскачивающиеся блеклые качели. За серым морем кусочек солнца. Максимилиан вздохнул. Живое, а такое мертвое. Но родное, знакомое.

Максим подошел к самому краю, где были невысокие бортики и прокричал:

– Люция, ты слышишь? Слышишь? Я живой! Слышишь? У тебя ничего не вышло! Поняла? Я живой! Я знаю, ты меня

слышишь. Я живой! Ничего не вышло! Поняла? Не вышло! Я живой! Живой! Живой! Я еще полюблю!

Это слышали все. И те, кто обитает под землей, и те, кто обитает над небом. Люция их слышала, она все понимала. А где-то, рядом с Солнцем, была Эсперанса, продолжавшая улыбаться и дарившая никчемным людям жизнь.

Глава 8

Максимилиан опять просто жил. Писал то, что было непонятно никому.

Дни стали однообразными, но все же иногда случалось что-то такое, что запоминалось надолго.

После смерти Максим стал дышать как-то по-другому, и теперь у него в комнате всегда было распахнуто окно. Он большую часть жизни просиживал напротив него и писал никому не нужные мысли.

Было уже темно, с задней стороны окна постучали. Максимилиан подумал, что это голубь. Он подошел ближе и выглянул. Вцепившись в кирпичную кладку дома остренькими коготками и немного приподняв лапки, на него, умными глазами смотрела маленькая летучая мышка.

– И как это ты сюда попала? И не боится ведь, – пробормотал Максимилиан и, закрыв окно, сел обратно за стол.

На следующий день повторилось то же самое.

– И чего ты хочешь?

Мышь лишь продолжала держаться на коготках без види-

МЫХ УСИЛИЙ.

Так у Максима появилась Сюзи. Он постоянно ожидал от нее чего-то необычного, ему казалось, что сейчас она заговорит или превратиться в кого-нибудь. Ничего такого не происходило. И это пугало еще больше. Сюзи ночами улетала поохотиться, а днем залетала в окно и подвешивалась на погашенную лампочку. Скорее всего, она прилетела для того, чтобы Максимилиану не было так одиноко. Наверное. А он ее боялся. Может, это Люция подслала ее? Или сама Люция... Но глаза этого кровожадного от рождения зверя были настолько неестественно добры, настолько такими, какими они не должны быть, что всякая дурная мысль сразу же отпадала. Такие глаза не могут быть у бесов. Они их не заслуживают. Не могут. Они даже чем-то напоминали Эсперансу. Чем? А может, это была Эсперанса. Нет, она бы намекнула, что будет навещать его. Это была простая летучая мышь, городская. Вместо кошек, собак, рыбок или попугайчиков. Почему она не может быть просто домашним животным? Может. Иногда Сюзи даже вдохновляла Максима. Маленькая такая. Она, можно сказать, урчала, когда он брал ее в руки. Хрупкая. Казалось, одно неловкое движение, и косточки Сюзи, ломаясь, издадут противный звук. Как будто человек. Настоящий человек. Никогда не мешала Максимилиану, не устраивала бардак. Лучше, чем человек.

Кто она?

Глава 9

Время шло. Любовь не приходила. Прошло уже много лет с тех пор, как Максимилиан вновь стал жить. Интерес к миру угас. Все стало каким-то ненужным.

И вот теперь он, беспомощный и жалкий, искал укатившуюся проклятую ручку на пыльном полу. Ему уже двадцать семь. И чего он добился? Гора никому ненужных рассказов, проз и романов? Однокомнатная квартира, похожая на тюрьму, да и та, подаренная родителями? Чего? Воспоминание о Эсперансе? О Люции? А в этом пункте уже давно бродили сомнения. Были ли они? Кто знает. Может, это просто. Или реальность, которую Максимилиан придумал сам себе, писатели – они такие.

И чем больше времени проходило, тем сильнее все запутывалось.

Была ли Эсперанса? И кто она? Не существует ведь тех, кем она являлась. Девочка, которая за минуту взрослеет на десять лет? Волосы которой, превращаются в змей, которых она убивает и превращает в русалок, тем самым оживляя? Она была той, кто знает все и может ответить на любой вопрос, девушкой, которая готова связаться с

дьяволом и променять свою улыбку за жизнь человека, той, которая бесконечна, и влюбляется во все подряд? Бред! Бред! Бред!

– Ты сошел с ума! Понимаешь? Сошел с ума!

Но в руках была ножка от циркуля. Та, которая с иглой и которую подарила Эсперанса...

Выдуманная реальность?

Глава 10

– Знаешь, я тебя так обожаю, что даже ненавижу.

Прошел дождь и оставил следы на старой крыше. Они были багряными, как кровь, из-за того, что тонущее в грязной земле и черствых домах солнце, бросало в них гуашь красного цвета, пытаясь передать им часть себя. И было во всем этом что-то убийственно-красивое. По черным рекам города плыло огромное количество машин с горящими глазами, затупляющими свет, который исходил от людей с чистым сердцем. На небе спутывались нитки, порождаемые металлическими птицами, ловили кого-то, душили и выбрасывали, как старую игрушку. На земле, сделавшись муравьями, люди тащили сумки, стараясь успеть прийти домой к ужину. Дул ветер.

Максимилиан сидел на крыше, свесив ноги, и играя со смертью. Рядом, в такой же позе, сидела Люция. Они не виделись уже девять лет. А может, девяносто. Или даже больше. Сейчас она была в обличие человека: не светила, не было этого жуткого блеска в глазах и зловещего голоса. Может быть это не она? Она. Бесы могут становиться кем угодно, могут одурачить человека. Максимилиан это помнил.

– Красивое Солнце. Но лучше Луна и Звезды. Или вообще Мрак. Ты как думаешь? – она повернула голову, и Максим к своему ужасу обнаружил, что эта девушка далеко не страшная, и он ей симпатизирует. Пришлось мгновенно отвернуться.

– Я люблю солнце.

– Уже хорошо. Значит, ты не летучая мышь. Будет с кем поговорить, – Люция засмеялась.

– У нас нет общих тем для разговоров.

– Ты так считаешь? Почему же? Понравилось быть одиноким?

–... У меня есть Сюзи.

– О да, ты окружен вниманием! – в ее голосе появились нотки сарказма. – А если я ее заберу?

Это было неожиданно. И хотя Максимилиан долгое время побаивался своего домашнего зверька, все же успел к ней привыкнуть. И теперь отнять у него Сюзи, значило забрать... У него не было ничего более ценного на данный момент, кроме нее. Но все же пришлось сохранять спокойствие.

– Мне все равно.

– Правда? – Люция скорчила гримасу, изображающую наивную растерянность и печаль. – Я уже думала, что она тебе дорога.

Максим молчал, но понимал, что Люция затевает что-то не доброе.

– Хочешь из меня сделать дурака и убийцу, как в тот раз?

Но она не услышала этих слов. Не захотела услышать.

– Давай заключим сделку? У тебя останется Сюзи.

– Нет.

– Ты будешь знаменит и богат.

– Нет.

– Ты наконец-то сможешь полюбить.

Максимилиан задумался. Стоит ли? Какой смысл в его жизни? Эсперанса говорила, что к нему придет любовь. Видимо, для этого он должен сговориться с Люцией, она ему поможет.

Внезапно зазвонил телефон.

– Алло.

Послышалось волнительное молчание, а затем обрывки фраз: «Сынок... Это мама. Прости что так долго... Как ты там?»

– Живой.

«...Я буду приезжать... Деньги... Завтра приеду... Ты там?»

– Да.

«Я приеду. Завтра... днем принесу. Жди... приду.»

Максим не успел ничего ответить. Связь прервалась, и слышались долгие гудки. Была поздняя ночь, и Максимилиан постарался поскорее выключить телефон, потому что ему казалось, эти звуки сейчас разбудят если не всех жителей города, то хотя бы людей, проживающих в ближайших домах.

Люция во время этого сидела, не проявляя интереса, но,

тем не менее, Максиму показалось, что она удивлена. Но он не думал об этом.

– Вот видишь, я же тебе сказала! – торжественно произнесла она. – Все вспомнят о тебе. В редакции согласятся печатать твои книги. Ты будешь богат. Позвонила бы тебе мать, если бы не я, в столь поздний час? Вспомнила бы о своем сыне? – она с сочувствием заглянула в сосредоточенное лицо Максимилиана и торжественно добавила:

– Ты наконец-то научишься любить!

Максима изнутри разрывало на части. Есть ли смысл отказать? Тогда он останется ни с чем. Но она дьявол...

– Нет.

Лиция сначала удивленно, потом расстроено посмотрела на Максима, кинула остаток сигареты, выкуренный ею, в темную бездну и обиженно прошептала прямо на ухо:

– Ты такой дурачок. Отказываешься от счастья. И даже не хочешь узнать условия?

– Нет.

– Бедный. Ну, тогда, надеюсь, всего лишь до свидания. Ты можешь передумать. Сегодня ночью до пяти часов двадцати двух минут. Я жду тебя. Только подумай – и я окажусь рядом.

Она встала и зашагала по воздуху, затем остановилась и, подбежав к Максимилиану, поцеловала. И пока он стоял в недоумении, Люция успела раствориться.

По всему телу разлилась холодная ртуть от поцелуя. Максим проплыл до квартиры, в один момент открыл дверь и

стал напротив зеркала. В отражении, в полной темноте, были видны только отмерзшие посиневшие губы.

Глава 11

Утром Максимилиан разбудили лучи вновь рождающегося солнца. Они были теплыми и даже немного щекотали, как живые. Он посмотрел в окно. На земле лежала Сюзи. Точнее то, что от нее осталось. Наверное, ее разорвали собаки. Это все Люция. Максиму стало настолько плохо, что захотелось рыдать. Он сжимал зубы до скрипоты, кусал руки, всеми силами пытаясь выдавить хотя бы одну слезинку. Но ничего не выходило. Хотелось с разбега прыгнуть в стену, удариться об нее головой...

– Черт! Эсперанса, ты была права! Что мне теперь делать? Что? Я же не могу сейчас умереть? Не могу? Черт! Эсперанса...

Он беспомощно бегал по комнате и рушил все на своем пути. Листы бумаги теперь толстым ковром покрывали пол, летали в воздухе и не давали свободно дышать. Настольная лампа каким-то непонятным образом повисла на углу стола и раскачивалась, чуть слышно повизгивая. Девушка, изображенная на картине, которая висела на стене, испугалась начавшегося хаоса и, сорвавшись с гвоздя, спряталась за диваном. Максимилиан взял подарок Эсперансы и проткнул свою

левую ладонь. Ручейком потекла кровь. Она уже оттаяла после поцелуя Люции. Добежала до локтя и, не удержавшись, капнула на пол. Потом еще и еще... А слез не было. Была жуткая боль. Максим сначала ненадолго застыл, посмотрел в окно. Свет стал черным. А потом потерял сознание.

Глава 12

Когда он очнулся, было по-прежнему темно. Максимилиан, пошарив руками по стульям, стоявшим рядом с диваном и найдя какую-то тряпку, обмотал ею ноющую руку. Чтобы понять в каком времени он находится, Максим включил телефон. Четыре утра. И два непрочитанных сообщения. Все от мамы. Она уже волновалась, так как была около его дома еще прошлым вечером, но Максим не открыл ей дверь.

Радовало то, что он проспал всего лишь день, что с мамой все хорошо. Но что же дальше? Стоит дождаться утра, поспать. Конечно, стоит.

Но заснуть не удалось. Рука давала о себе знать, а в голову лезли всякие ненужные мысли. Потом понемногу сквозь шторку стал протискиваться свет, и теперь Максимилиан наблюдал все великолепие вчерашних действий. Комната превратилась в хлам. Все висело, валялось разбитым, сломанным или испачканным в кровь. Рукописи не удалось бы собрать, даже если бы за них предложили крупную сумму, настолько они были перепачканы и измяты. Люция все отняла.

Это ведь она убила Сюзи, из-за нее Максимилиан променял свои слезы на смех Эсперансы, из-за этого он вчера устроил погром и уничтожил то, что создавал уже более десяти лет. Родители. Они единственное, что у него осталось.

– Нужно увидеться с мамой. Нужно ей позвонить.

Максим дождался девяти часов и набрал номер. Договорились о встрече в парке через час.

Когда он пришел, она уже сидела в назначенном месте. Стало неловко. Он не видел ее уже, и она заметно изменилась. Похудела, постарела, появились пряди седых волос.

Максимилиан подошел и сел рядом на скамейку. Она не слышала его шагов и поэтому, обернувшись и увидев Максима, немного испугалась, но затем пристально посмотрела и произнесла:

– Ну, здравствуй, Максим.

– Здравствуй, мама.

Было тихо. Пели лишь птицы, да и они слышались изда- лека. Какой-то прохожий эмоционально разговаривал по телефону, порой выкрикивая мерзкие звуки мата. Но это было за пределами ограды парка. А здесь все жило своей немой жизнью. Часов до одиннадцати, пока не приходили дети. Тогда начинался шум и гам, который продолжался до позднего вечера. А пока...

– Я принесла тебе деньги.

– Зачем?

– На прошлой неделе у твоего отца обнаружили рак, и...

и... мы уезжаем. Я подумала, что тебе нужно об этом знать. Мы уезжаем в Швейцарию. Там хорошие врачи. Вообще, медицина сейчас продвинулась... Всем правят только деньги. Они у нас есть. Так что...

Максимилиана поразило это известие. Он помнил своего отца, как сильного, крепкого и мужественного человека. Он помнил, как в семье у них говорили, что он доживет до ста лет, или даже больше. Да, за последнее время он ни разу не навестил своих родных. Но жить с осознанием того, что у твоих родителей все хорошо, что они здоровы, что всегда можно обратиться к ним за помощью или просто встретиться, гораздо приятнее и легче, нежели, когда осознаешь, что больше кого-то из них, возможно, никогда не увидишь.

– Я могу с ним встретиться?

– Для чего? Ты хочешь, чтобы он волновался? Ты хоть знаешь, как он переживал, когда ты пропал?

– Я не про...

– Ты не знаешь! Ты не знаешь! И знать не хочешь! Он брал всю свою силу воли в кулак, когда ты изредка удосуживался к нам приехать, чтобы улыбнуться и вести разговор, как будто все хорошо! Тебе же плевать на всех... Тебе все равно, что у нас нет внуков, что нам некому передать фирму! Тебе нужны только дурацкие сказки, которые ты сочиняешь, – она замолчала.

На земле лежал мертвый майский жук. Муравьи цепочкой подбежали к нему и потащили в свой муравейник. А ведь он

раз в двадцать тяжелее их самих. Сильные лапы, изумрудный панцирь, даже сами крылышки – все это можно сравнить с машиной для человека. Один точно бы не справился. А их много, и они едины. Никто из них даже не подумает, что можно спрятаться за первую попавшуюся травинку и отдохнуть. Не думает... Может только потому, что они не умеют этого делать? Кто знает...

– У нас самолет через два часа. Ты не успеешь.

Утренние лучи и умиротворенность парка заметно успокаивали.

– Ладно. Я понял.

– Я тебе денег дам. Здесь много. Хвати надолго. Если не наркотики, конечно, покупать, – Она посмотрела на Максимилиана. – Ладно. Я пойду.

– Кому теперь принадлежит фирма?

– Отец оформил ее на Антона... Это твой двоюродный брат, если ты забыл.

Максимилиан кивнул.

– Спасибо, но мне не нужны деньги.

Но она положила конверт на скамейку, произнесла:

–Надеюсь, увидим тебя живым, – улыбнулась и зашагала быстрыми шагами, из-за того, что слезы уже давно хотели политься ручьем. И теперь их можно выпустить. Но только не при сыне. Он не должен видеть, что в нем кто-то нуждается, потому что сам однажды причинил боль своим родным.

– Мама! Мама! Стой, мне нужны они! Стой же! – Макси-

милиан от разрывающих его эмоций не мог сдвинуться ни на шаг, но все же продолжал кричать удаляющемуся, ставшему высотой не более пяти сантиметров силуэту. – Мама! Прошу тебя, они мне не нужны! Не нужны!

Потом ему опять хотелось рыдать, он в тумане видел каких-то людей, то равнодушно проходивших мимо, то участливо пытавшихся помочь, механически отвечал: «Нет» на все вопросы, а потом просто отключился.

Когда он очнулся, было уже темно. Он сидел на той же скамейке, рядом лежал конверт, в котором должны были быть деньги. Максим открыл его: всего пара купюр. Ладно, ведь деньги ему не нужны. Кому-то нужнее. Слез не было. Хотелось с разбегу врезаться головой во что-то и... Максимилиан встал, взял конверт и пошел. Наверное, домой пошел.

Люция сделала то, что обещала. У него теперь нет ничего. Совсем ничего. А еще она, кажется, говорила про любовь. Теперь он никогда не полюбит. А ведь Эсперанса спасала его именно для того, чтобы он полюбил.

– К черту Эсперансу! К черту Люцию!.. к черту чертей... меня... деньги... смех... слезы... жизнь... смерть к черту! И любовь...

Максимилиану внезапно захотелось оказаться на море. Он представил солнце, согревающее его, волны, прохладный песок, представил, как он будет плавать под водой, как увидит там необычных рыб, а, может, и русалок и никому об этом не скажет, потому что это секрет.

И вот он, стоя на светофоре, увидел, что земля перед ним опустилась, и это пространство заполнилось водой. На нее падали красные блики. Это закат. Послышался шум прибоя. На горизонте показался дельфин, потом еще один и еще, они были со всех сторон и звали его, Максимилиана к себе. Они выпрыгивали из воды, и спины их сверкали, как аквамарин.

Максимилиан ступил вперед. Под ногами был песок и немного тины. Он медленно пошел дальше. Внезапно, один из дельфинов молниеносно подплыл к нему и, широко открыв пасть проглотил.

Свет погас.

Глава 13

– Посмотри как красиво! Ты хочешь все пропустить?

Нежный и тихий голос. Светло-русые длинные волосы. Бледное лицо. И... глаза из осколков фар. Все это, очнувшись, увидел Максимилиан.

– Вставай. Тебе еще нужно меня дорисовать. Вставай. Нужно меня дорисовать.

Это был ангел. Она точно была ангелом. Она даже свети-лась каким-то лунно-солнечным светом, который неуловим для человеческого глаза. Не было только крыльев. Не страшно.

А потом она поднялась сама и подала руку Максиму, но тот, прикоснувшись к ней, быстро отдернул:

– Тебя может согреть мороженое.

– Из морошки.

– Почему из морошки?

– Не знаю. Мне просто нравится так.

Он смотрел в ее красные глаза. И она смотрела в его глаза, из которых он не мог выдавить слезы. И он держал ее ледяную руку, которую могло бы согреть мороженое из морошки. И ее волосы освещала луна, и они становились такими прозрачно-золотыми... И она сама светилась.

– Я мертв?

– Почти, – она улыбнулась, а он заметил, что губы у нее лишь на немного розовее снега.

– Ты мой ангел?

– Ты должен меня дорисовать, – она поцеловала его руку и улетела.

А Максимилиан еще долго лежал на земле, ставшей черной от того, что теперь не было света. Вокруг бегали люди, и кричали машины. Он ничего не слышал, не думал. Он не знал, жив или мертв. В глазах до сих пор была загадочная девушка-ангел, которую он уже успел полюбить.

А потом Максимилиан очнулся. Он лежал на белой больничной кровати, обои были белого цвета так же, как и пол, и потолок. Только лекарство, которое поступало из капельницы ему прямо в вены, было ярко-красным.

Потом он увидел, как медсестра в белом халате обнаружила, что он открыл глаза и, в состоянии полнейшего непо-

нимания, нажала на белую кнопку, расположенную в стене. Прибежал белый врач, а с ним еще пару человек.

– Вы нас слышите? – врач четко произнес эти слова и наклонился над Максимом.

– Да. Зачем я здесь?

В глазах присутствующих отразилось удивление, и даже ужас.

– Вас сбила машина, – пробормотал врач. – А час назад у вас остановилось сердце... на две минуты тридцать шесть секунд... Мы подумали, что вы мертвы, но... сердце внезапно начало биться, как у здорового человека.

– А можно мне встать?

Никто ничего не ответил, они все застыли, поэтому Максим подумал, что можно.

Он встал, ничего не болело, но на теле можно было увидеть еще свежие швы. Он вынул иголки из тела и отшвырнул аппарат. У доктора из рук выпала баночка с какими-то таблетками, и они разбежались кто куда.

А Максимилиан теперь шел по коридору, шел, а потом побежал, и никто не смел его остановить. Одна из ниток, скреплявших его тело, выпала прямо на пол больницы. Она лежала, одиноко изогнув свое тело.

Максим вырвался на улицу и только тогда услышал беспомощные крики врача:

– Молодой человек, стойте! У вас же поломаны ребра! И ключицы... Остановите его! У него шок. Молодой человек,

стойте, у вас атрофированы мышцы! Ключицы...

А Максимилиан уже взобрался на крышу автобуса и ехал в известном ему направлении. Из его швов сыпались нитки, а голуби подбирали их и уносили с собой, чтобы свить гнездо. Вороны говорили, что он свои белым халатом ослепляет их. А кошка льстиво промурлыкала, что даже если бы захотела, не смогла бы залезть так высоко, как он.

Тем временем в больнице был переполох. И лишь одна медсестра сохраняла умиротворенный вид. Она подняла нитку.

– Это все, что от тебя осталось. Так странно. Ты был, а потом ушел. Тебе здесь не понравилось? – Она засмеялась. – Мне тоже не нравится. Ты сейчас уже далеко, и они тебя точно не найдут. Жестокие люди, увязшие во тьме. А ты стремись к свету. Всегда. Стремись к свету. Я знаю, что ты слышишь меня. Я знаю, где ты. Но никому не скажу.

Он слышал.

– Спасибо.

Глава 14

Вот показался дом, такой знакомый Максиму. Вот его квартира, вот ключи под отколотой плиткой. Вот он заходит...

– Где ты? Я пришел. Я готов тебя рисовать. Ну где же ты? Везде пусто – кухня, комната, ванная, все.

Она тоже всего лишь плод воображения. Нет той девушки с бледно-русыми волосами. Он сделал ее голос тихим и приятным. Он хотел, чтобы ее руки были холодными, а лицо бледным. А глаза... Он прежде никогда не видел фар на месте глаз. С одной стороны, это необычно и красиво, но с другой, хотелось узнать, какие они на самом деле.

– Мне кажется, что карие глаза тебе не подойдут. Ты же такая бледная... Зачем тебе темные глаза? Это не красиво. Какие еще есть варианты? Зеленые. Но от тебя исходит лунно-солнечный свет. Твоя стихия – огонь и... воздух или вода? Я не знаю. Но что бы это ни было, все же не земля. И вообще, к чему тебе зеленые глаза? Они будут обращать на себя внимание тех, кто на тебя смотрит. Хотя, буду смотреть только я... А, может, нет? Ладно, это не важно.

Голубые, светлые. Вот они тебе точно подойдут.

А знаешь, мне пришла одна идея: может быть, солнечные? ярко-желтые? Мне кажется, что они тебе подойдут не меньше, чем голубые. И какие же выбрать? Если выбрать второй вариант, ты будешь неземная, ни у одного человека нет таких глаз, они будут как золото, как огонь, как свет... Но первые более романтичные что ли... Можно будет сказать, что «в твоих глазах океаны, в твоих глазах ночь»...

Максимилиан долго думал над этим вопросом. А потом пришло осознание того, что ее он лишь придумал. Это так жестоко! Почему нельзя сделать так, чтобы она была? Почему? Он же ее полюбил... Полюбил выдуманного прекрасно-

го неземного существа? Это жестоко. Зачем Эсперанса заставила его страдать? Выдуманная Эсперанса. Зачем Люция хотела сделать так, чтобы он никогда не полюбил? Выдуманная Люция.

– Мне все равно, кто ты. Мне все равно, какого цвета твои глаза. Пусть будут даже фары. Можешь меня убить, пытаться. Делай все, что хочешь. Я хочу тебя слышать. Я хочу тебя видеть. Приходи. Мне нужна еще одна доза.

Он проснулся ночью, примерно в два часа. В окне что-то светилось. Не за окном, а в окне. Максим подошел ближе. Сначала он ничего не мог понять. Какие-то неясные волнистые линии, прямые. Пальцы, руки, голова, волосы... Она была выцарапана на стекле.

– Как ты сюда попала?

Максимилиан посмотрел на подоконник, там лежала ножка от циркуля, та, которую подарила Эсперанса. Да, он понял, в чем заключался смысл этого, казалось, ненужного подарка. Но когда он успел это сотворить? Максим судорожно принялся восстанавливать в памяти цепочку всех событий, которые успели произойти за последнее время. Это у него плохо выходило, все было размыто. А потом, отрывками, все же промелькнули забытые картины. Это случилось, когда он в бессознательном состоянии крушил все в квартире. Мак-

сим вспомнил, как достал иголку, как долго водил ею по венкам, сидя на окне, как увидел луну и стал обводить ее силуэт...

А теперь она пришла к нему, та девушка, которую он выцарапал на стекле. Значит, она все-таки выдумка?

– Ты всего лишь выдумка. Тоже? Как и все?...

Максимилиан коснулся ее волос, плеч, рук, они были холодны.

– Тебя может согреть мороженое. Из морошки.

Ему показалось, что она улыбнулась.

– Черт, я забыл нарисовать тебе глаза! Но я же не умею. И что делать? Я не хочу, что бы у тебя было косоглазие, или что-то похуже. И цвет... Я же совсем не умею рисовать!

Максим растерянно смотрел на нее. Но она, увы, не подавала никаких знаков. А еще он должен сделать это иголкой... Похоже, в образе человека ее так и не получится увидеть. Эта мысль так пугала.

– А знаешь что, я сделаю тебе круглые глаза. Ну а что? Лучше такие, чем вообще... Только мне нужно что-нибудь обвести. А иначе может получиться криво... Нужно что-то очень маленькое... Таблетка, можно обвести таблетку.

Максимилиан в один момент оказался на кухне. Вот шкаф, пузырек, таблетки. Они покатались на стол. Но там, из скатерти, были вырезаны идеальные трафареты глаз.

Глава 15

– Как думаешь, я красивая?

Она уже давно сидела на его подоконнике, излучая совсем слабый лунный свет. Уже примерно час. Они смотрели друг на друга и просто молчали.

– Ты больше, чем просто красива.

Теперь она стала человеком. Нет, конечно в ней не было ничего земного... Но все же...

Волосы ее были белы, но когда на них попадал свет, появлялись оттенки солнечно – золотого. Глаза... Они были тоже как Солнце. Красивые нарисованные глаза, но живые и естественные. Она была высокой и стройной, а кожа бледной. Она почти всегда улыбалась и лишь иногда внезапно могла стать серьезной.

– Твои глаза, они как Солнце. Такие же яркие и лучистые.

– Я Луна.

– Луна... Это имя тебе так подходит. Ты прилетела ко мне с Луны?

– Нет.

– Где же ты была?

Но она не ответила. Лишь принялась собирать с пола исписанные листы бумаги.

– Ты зря их разбросал. В них душа. Твоя душа, – она стала серьезной. – Разве можно издеваться над своей душой?

– Я не знаю. Может быть, нельзя.

– Ну конечно нельзя, – Луна стала читать.

Так длились секунды, минуты, а она все читала, но не улы-

балась.

– Почему ты ни разу не написал про меня? Разве это сложно?

Максимилиан слегка испуганно произнес:

– Я тебя не знал.

Луна смотрела на него пристальным взглядом и, казалось, сверлила. Но так могло показать только со стороны, потому что Максим мог смотреть на нее вечность, две вечности, десять, и ему никогда бы не надоело. А потом она расхохоталась, а Максимилиану показалось, что она стала еще сильнее излучать свет.

– Разве можно меня не знать? Меня знают все!

– Кто же ты?

Но она не ответила.

– Вот скажи, ты меня любишь?

– Я тебя люблю.

– Тогда почему же ты про меня не писал? Ты такой глупый!

– Прости меня.

Она задумалась:

– Ладно, прощу. Но сейчас все равно уйду. И возвращусь... Возвращусь, когда захочу!

– Пожалуйста, не уходи. Останься...

Но Максимилиан почувствовал, как его тело завяло, и отключился мозг.

Глава 16

Было уже девять часов утра, когда он проснулся. Теперь было ясно, что Луна – не плод его воображения и теперь с нетерпением ждал новой встречи.

Правда, она оказалась не такой, какой он себе представлял, но когда Максим попытался найти в ней недостатки, у него это не получилось. Значит она такая, какой должна быть.

Максимилиан уже опаздывал на работу. Внутри он просто сиял, а вот разговаривать и улыбаться не хотелось. Так странно.

Говорят, что когда любишь, лица прохожих могут быть похожими на того, кого любишь. Но Максим не замечал ни капли схожести между Луной – неземной богиней и мрачными прокуренными людьми, бегущими только за деньгами. Какая между ними может быть связь? Это даже глупо.

– Ты сегодня опять опоздал! Где ты шляешься, черт побери? Где твой телефон? Нам скоро... – Максимилиан слушал, но не слышал этих оскорбительных бесполезных слов работодателя. Его все равно не уволят. А орать, пусть орет.

И Максим стал выгружать товары, сегодня они казались такими легкими.

А время и тянулось, и летело одновременно. Теперь он уже гулял в сквере, потому что сегодня, как никогда, успел быстро перетащить груз.

Он ждал ночи. Может быть, тогда к нему придет Луна. Нет, она не придет, она прилетит. Она окажется рядом, и он все забудет. А она опять будет похожа на капризную маленькую девочку, которая задает много вопросов, часто смеется, а потом вдруг не понятно из-за чего, грустит. Она – такая худенькая и бледная, возможно сильнее, чем все человечество в целом. Ведь только она может сказать ему все что угодно, и он непременно это выполнит. Может не говорить. Но он никогда не сделает того, что диктует ему общество, даже если его станут пытаться. Они творят зло. А Луна не может произнести ничего плохого.

Обо всем этом думал Максимилиан, стоя посреди опустевшей аллеи и закинув голову. Он смотрел на небо. Там была маленькая белая точка. Она передвигалась. Птица. Непонятные птицы. Что они думают, когда взлетают так высоко? Боятся ли разбиться? Что для них небо, и что земля? Что из этого их дом? Они же не могут жить без неба, без ощущения высоты. А на земле пища. Если не будет ее – они не смогут летать. Но если не летать, зачем жить?

Тем временем все делалось алым – Солнце уходило, и Максимилиан шел домой. Как ему нравилось это время суток! Дома становились разноцветными: та сторона, которая в тени – темная и неприветливая, а та, на которую падает свет – желтая, красная, а иногда и фиолетовая. Но потом и она помрачнеет. Но это не скоро. Еще полчаса, может больше. Сегодня он не мог остаться здесь, чтобы наблюдать за этим

великолепием.

Максим зашел в квартиру. «Надо бы убраться», – подумал он.

Действительно, обстановка не вызывала никаких приятных эмоций. Он принялся запикивать хлам в шкаф, но после того, как тот перестал закрываться, достал мусорный мешок и покидал все в него.

– Так. Что еще? Что еще? – пробормотал Максимилиан и посмотрел в зеркало. – Ну ты и страшила! Надо же.

Он метнулся в ванную и стал энергично сбривать неопрятную полу бороду. Так спешил, что даже порезался.

– Черт! Зачем так не вовремя?

Вот и все. Максим с нетерпением ждал гостью. Двенадцать. «Она, наверное, уже летит», – крутилось у него в голове. Час ночи. Еще слишком много неспящих людей, они могут ее заметить. Возможно, Луна боится. Максимилиан устал ждать и смотреть в окно, поэтому присел на диван. Уснул. Это было так нелепо. Он думал, что если даже захочет спать, не сможет. Что он может не спать целую неделю, лишь бы она пришла. Но, видимо, это был не сон...

Его разбудил звонок в дверь. Когда Максимилиан открыл глаза, была уже ночь. Точнее, он не понял, просто было достаточно светло. Взглянул на часы. Без десяти четыре. То время, когда не знаешь, как правильнее: сказать, что это ночь или, что раннее утро.

И пока он соображал, в дверь опять позвонили. Он не мог

предположить, кто это может быть. Разве что, мама приехала сообщить о смерти отца?

Максим посмотрел в глазок. Луна. Ее лицо. Не может быть! Он мгновенно открыл дверь и застыл. Он и подумать не мог, что она придет вот так.

– Привет, – она смотрела на него большими солнечными глазами и не улыбалась, – Может,пустишь?

Максимилиан наконец-то очнулся, даже незаметно дернулся:

– Конечно, проходи... я тебя ждал.

И Луна зашла. Если вчера она была в легком коротком платьице, светлых босоножках и всем своим милым видом напоминала капризную девочку-подростка, то сегодня она – была уже не она. Это императрица. В блондинистых роскошных локонах просматривались изящно вплетенные атласные ленты. Темно-серые тени, и красная помада делали лицо невероятно выразительным. Сережки были из каких-то красивых черных камней и представляли собой бабочек, с большими, но гармонично смотрящимися крыльями. А дальше... платье. Оно было из нежного черного бархата с глубоким декольте. Оно элегантно сидело на ее точеной фигуре, подчеркивая женственную талию. Позади тянулся длинный шлейф, и Максим не мог увидеть, где он заканчивается. На тонких кистях ловили свет браслеты из редкого и удивительного арабского оникса. А на пальцах огромное количество колец.

– Может, поможешь? Он за перила цепляется, – Луна шагнула через порог и кивком головы показала на шлейф, который струился по лестнице.

– Помочь? – Максимилиан был слишком ошеломлен, чтобы понимать все сразу. – Да... да, конечно.

Он спустился ниже, шлейф тянулся еще метра полтора и оказался очень тяжелым. Максим занес его в квартиру и закрыл дверь.

Они неподвижно стояли у двери и смотрели друг на друга.

– Ты, – он пытался что-то выговорить, но заикался, – ты очень-очень красивая.

Она даже не улыбалась. Продолжала смотреть на него прекрасными глазами и не улыбалась. Лишь провела тонким холодным пальцем по его щеке.

– Ты же ждал меня.

Сегодня ее голос был мягким и приглушенным.

– Я по тебе скучала, – Луна шептала ему на ухо, – а ты все не засыпал... Ты все не засыпал... Тебе обязательно нужно спать. А иначе ты будешь слишком слаб... – она прошла в комнату, черная река струилась за своей хозяйкой. Максимилиан пошел следом. – Хорошо, что ты начал писать про меня, – она опять читала его черновики. – Знаешь, я не всегда такая... Какой была вчера. Это так... Так... Для забавы. Любовь – это по-другому. Любовь – это любовь, – она положила на стол тетрадь. – Думаю, тебе стоит над ними поработать. Но не уничтожай то, что уже написал. Не уничтожай...

Оно живое... Не убивай... Не убивай.

– Не убью.

А потом они сели на диван и смотрели в окно. Был рассвет. Городские серые голуби, влетая в него, делались жарптицами. Красиво. Но когда они где-то опустятся, вновь станут собой. Печально. Они не будут исполнять желания. Их перья, вырванные перья, не будут исполнять желания ненасытных людей. Радостно. Люди взорвали бы планету своими необдуманными мыслями. Точно, взорвали бы. И Вселенную. Нет. Вселенную – нет. Вселенная – Пространство. Пространство – Вечность. Вечность нерушима.

Лучи солнца стали касаться Луны, ее платья. Драгоценные черные камни блестели.

– Я ухожу. Мне пора, – опять прошептала она.

– Почему так скоро?

– Пора...

Она поднялась и медленно пошла к двери. Величаво так. Как императрица во время коронации. Максим хотел помочь донести шлейф, но она не согласилась.

– Когда ты вновь придешь? Завтра? – произнес он, когда они стояли в дверях. Но Луна лишь продолжала смотреть ему в глаза. Ей не свойственно было отвечать на вопросы. А потом произнесла:

– Может, поцелуешь?..

Глава 17

Максимилиан этим утром уже не смог заснуть. Сначала он просто сидел напротив окна, смотрел на небо и не думал. Потом сидел напротив окна, смотрел на небо и думал. Думал, сам не понимая, о чем. Значит, он не думал. Хотя, если он думал о том, о чем он думает, значит, он все-таки думал.

Но когда он увидел на своем окне неизвестную фиолетово-желтую птицу, которая прокричала что-то восемь раз, понял, что пора чем-то заняться. Максиму хотелось сделать все и ничего. Это была не лень. Это есть то – незнамо что. Даже вспоминать об Эсперансе казалось бессмысленно.

Помнилась только Луна, но и ее хотелось забыть. Максимилиан понимал, что безумно, безвозвратно, полностью и безоговорочно любит ее, но сейчас ему хотелось забыть Луну. Не навсегда, конечно. Всего лишь на пару часов.

И он расплывался на диване, как амеба, в полном отчаянии от непонимания того, чем можно было бы заняться.

Фиолетово-желтая птица опять прилетела, опять села на карниз, но теперь прочирикала девять раз. Тогда он поднялся, оделся и вышел на улицу. Но так как было жарче, чем он ожидал, ему пришлось вернуться домой и переодеться. Заодно захватил немного денег.

Когда Максим приехал в город, стало ясно, что он отстал от моды. Повсюду были какие-то новые вещи. Оказалось, в этот день еще и отмечался праздник. Многие музеи и даже театры были открыты для свободного посещения. Максима

это очень обрадовало, поскольку всякий раз, когда ему приходилось тратить чужие, а именно родительские, деньги на всякие мелочи или же ненужные вещи (посещение театров и музеев не входило в разряд жизненно необходимых), его посещало чувство дискомфорта и легкой ненависти к себе.

Первые картины, которые он увидел, придя в выставочный зал, оказались работами человека с нестандартным мышлением – Эшера Маурица Корнелиса, жившего в XX веке в Нидерландах. Известного, прежде всего, своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трёхмерных объектов, являющийся самым ярким представителем имп-арта. Максим обрадовался, что ноги привели его именно сюда. Над такими работами можно было поразмышлять. Максимилиан понял, что чем больше ты на них смотришь, тем больше странного и неожиданного можешь увидеть.

Через час он уже стоял на площади, наблюдая представление уличного театра. Это было весьма интересное и запоминающееся шоу. Герои действия ничего не говорили, они лишь издавали звуки, которые передавали их настроение и эмоции. Этого было вполне достаточно, чтобы самому почувствовать себя частью этого безумия. Когда у безумия есть сюжет – это очень вдохновляет. После него, каждый раз оживляя какие-то моменты в памяти, ты можешь обрести

для себя что-то новое. Что-то неуловимо – не такое, не такое, как все, что видел раньше. И даже если ты не поймешь сути происходящего, даже если режиссер и сценарист покажутся чокнутыми, все равно ты немного изменишься и, в следующий раз, будешь смотреть на то же самое, или похожее, уже с другой стороны. А если не будешь... Значит, просто не хочешь понимать.

Максимилиан думал обо всем этом, и сам не заметил, что купил мороженое. Такое случалось редко, не потому, что он не любил сладкое, а потому что не было настроения.

И вот он шел по дороге, где не было машин, потому что транспортное движение перекрыли, ел мороженое и совсем не хотел идти домой. Его внимание привлекла вывеска, на которой раньше было что-то написано, но стерлось. Он зашел вовнутрь. Темнота. Лишь несколько фосфорных камней освещали здание, вместо лампочек и люстр. Максим обнаружил дверь, постучал, но никто не ответил. Тогда он решил зайти. Она оказалась открытой. Но затем Максимилиан немного удивился: за дверью была точно такая же, высокая и не запертая, дверь. Он открыл и ее, но там оказалась еще одна. Создалось впечатление, что он никуда не идет, а просто стоит на месте. Но он понимал, что это не так. Так открылись девять загадочных дверей, и понемногу стал наведываться ужас. Пломбир, растаяв, капнул на пол.

– Молодой человек, в выставочный зал нельзя проходить с едой!

Максимилиан вздрогнул и обернулся. Напротив входа сидела полная дама лет под шестьдесят в черном мятом платье. А он по-прежнему стоял перед единственной дверью, которая была заперта.

– Извините, здесь было темно...

– Молодой человек, в выставочный зал нельзя проходить с едой!

– Извините. Я не знал, – пробормотал Максим и вышел из помещения, которое теперь не было мрачным.

Он медленно доел мороженое, думая, стоит ли ему зайти снова. Станным казалось то, что в здании не было ни единого человека, кроме той женщины. И на улице тоже. Но какая-то неведомая сила все же тянула узнать, что же находится в выставочном зале и как можно обмануть бесконечную дверь.

Глава 18

– Молодой человек, в зал нельзя без... В зал нельзя! – эта женщина напоминала робота, который повторял тексты, вставленные создателями в голову.

– Почему?

– Вход платный! – теперь ее лицо расплылось в улыбке, и она перестала напоминать железку.

– Сколько стоит?

– Пять тысяч тридцать восемь копеек.

Максим опешил и разозлился:

– Что-о-о? За одну выставку? Вы тут с ума сошло что ли?

Но дама поспешила его успокоить:

– Молодой человек, не кричите так! Когда вы будете уходить, я все верну, – она доброжелательно улыбнулась.

Максимилиан впал в ступор:

– Зачем тогда платить?

Контролерша хотела что-то сказать, но откуда-то выбежал мальчишка, стал пытаться пройти, но она строго произнесла:

– Молодой человек, в выставочный зал нельзя!

– Ну пожалуйста! Пожалуйста! Мне так хочется посмотреть, что там находится! – протараторил ребенок, и было видно, что он собирается заплакать.

– С вас пять тысяч тридцать восемь копеек.

– У меня нет таких денег.

– Тогда в выставочный зал вам нельзя, – Произнесла женщина, глядя на мальчика, а затем обратилась к Максиму, – Вы будете платить?

Он затруднялся ответить на этот вопрос. Но хотелось, посмотреть, что находится в зале, вход в который так защищен. К тому же, деньги она пообещала отдать...

– Да.

– С вас пять тысяч тридцать восемь копеек.

Максим достал деньги.

– Пять тысяч... а где же я возьму тридцать восемь копеек?

Контролерша сделала озадаченный вид:

– Тридцать восемь копеек можно округлить до пятидесяти. А пятьдесят до рубля, – заключила она.

– Ладно...

В этот момент мальчик, севший на пол и поджавший ноги, зарыдал:

– Тоже хочу! Хочу посмотреть! Дяденька, заплатите и за меня!

Максим задумался:

– Вы говорите, что потом отдадите деньги? – обратился он к женщине.

– Обязательно.

– Хорошо, я заплачу за этого мальчугана.

Женщина просияла:

– Очень хорошо! Вы – добрый человек! Он скажет вам спасибо! С вас еще пять тысяч и один рубль.

Максимилиан заплатил и, увидев, что мальчик улыбается, понял, что поступил правильно.

И вот они стояли напротив загадочной двери.

– Закройте глаза, а потом открывайте дверь, сделайте еще десять шагов вперед и один назад, – эти слова звучали, как заклинание.

Максимилиан сделал так, как она сказала, мальчик, наверное, тоже, потому что, когда Максим открыл глаза, увидел его рядом.

– Как темно, – прошептал он.

И правда, если открывать и закрывать глаза, увиденное не

будет меняться.

– Это пока. Постепенно ты сможешь увидеть все вокруг.

Максимилиан успокоился, но вскоре настороженно спросил:

– Откуда ты знаешь? Ты же говорил, что не был здесь?

И хотя даже очертаний человека нельзя было увидеть, а уж тем более лица, Максим понял, что мальчишка озадачен.

– Мне так кажется... Нас в школе учили.

Пришлось поверить.

Со временем, и правда, стали вырисовываться темные горизонтальные ямы, вскоре стало ясно, что это ходы. Они были везде, с каменистыми стенами и гладким полом.

– А где выставка?

Мальчик ничего не ответил, а пошел в один из них. Максимилиан обернулся. Дверь все еще была за спиной, можно было вернуться. Но он предпочел идти во тьму.

– Ты где там? – крикнул Максим.

– Здесь, – донеслось издалека.

– Не теряйся. Мы можем заблудиться.

– Угу.

Максим пролез через узкий проход и оказался в удивительно – красивом месте. Это был куполообразный свод, стены, и потолок которого сплошь усеяны обсидианом. Камни эти сверкали черно-фиалковыми телами, отражая яркий свет фосфора, который «вплетался» в них. Мальчик был здесь, сидел на холодном полу.

– Красиво. Не правда ли? – произнес он.

– Да... Это и есть выставка?

– Наверно.

Максимилиан осмотрелся.

– Пещеры что ли побольше бы сделали...

– И посветлее.

Стены здесь были живые. На них обитало огромное количество бабочек. Если провести рукой, они разлетались в разные стороны, падали и еще очень не скоро находили покой. Максим мог бы пробыть здесь еще долго, думая о небе, о Луне и луне тоже, если бы не жуткий холод.

– Ну что, пойдём отсюда? – обратился он к мальчику.

– Ладно.

И они побрели к выходу. Через несколько минут попалась точно такая же «комнатка», которая поразила красотой, но которую, казалось, они уже видели прежде. «Удивительная схожесть», – пронеслось в голове у Максимилиана. Они шли дальше, но дверь никак не удавалось найти. Комната – близнец встретилась уже четвертый раз, у Максима побежали мурашки. Он догадался бросить десятирублевую монету и, когда в следующий раз попал в пугающую пещеру, обнаружил ее. Все ясно. Это лабиринт.

– Малыш, похоже, мы заблудились.

Мальчишка сердито буркнул:

– Не называйте меня малышом.

Максим оставлял мелочь на полу пещер там, где прохо-

дил, пробовал другие ходы, но все они вели в один зал.

– Это проклятье. Но я чувствую, я знаю, что выберусь отсюда, – он сел и прислонился спиной к стене, полетели бабочки. – Чертова ведьма!

– Не смей! Не смей так говорить! – взвизгнул мальчонка и часто заморгал.

Максимилиан вздрогнул от неожиданности. Он ждал того, что произойдет дальше. Наступила гробовая тишина.

Было нечем дышать. Хотелось пить. Вот почему бабочки живут так недолго. Вот почему бабочек считают вестницами смерти. Нет, это не те, что летают при свете дня, не те, что садятся на цветы, случайно залетают в окно и отчаянно бьются о стекло, пытаюсь вырваться на свободу и дожить минутные, но такие яркие моменты жизни. Это те, что сидят на стенах холодных и темных пещер. Они сами черные, сами холодные. У них нет жизни. Они рождаются, чтобы быть. Рождаются, чтобы умереть.

– Это моя мама... Знаешь... я сам не рад... что она такая.

У Максима тут же вылетели мысли из головы.

– Это... как вообще?..

– Тихо. Не говори, я сам все расскажу, – он помолчал. – Она уже давно так зарабатывает деньги. И ей, вообще-то, самой много лет... И мне тоже, далеко не девять. Но... она никогда не врет. И если бы ты выбрался, – она бы обязательно отдала тебе деньги. И за меня тоже, – незнакомец посмотрел на Максима. – Дело в том, что ты никогда не выберешься

отсюда.

Максимилиан молчал.

– Только одному человеку удалось выйти. Но это было так давно, что я уже не знаю, было это или нет. А если так и есть, то это, вероятно. Не человек. Иначе он бы не выжил и не ушел отсюда.

– А ты? Как же ты? Покажи мне выход.

– Я сам не знаю, где он. Его нет. Так же, как и входа, – мальчик закрыл глаза. – Некоторое время я побуду с тобой, а потом засну. И ты, наверное, тоже. А когда я проснусь, то снова окажусь около странной двери.

Максимилиан все понимал и не понимал одновременно. Сам он не мог понять, о чем думает, и что его ждет дальше. Смерть? Жизнь? Любовь? Он уже полюбил. Значит, больше здесь делать нечего. Жить двадцать девять лет для того, чтобы почувствовать любовь, познать ее, увидеть, всего на несколько дней и умереть – ... это справедливо.

Свет фонарей начинал меркнуть.

– Скоро они совсем погаснут.

– Давай походим по коридорам, посмотрим все? – внезапно предложил Максим.

Мальчишка очень удивился:

– Вы очень странный. Всякий человек после того, как узнает, что погибнет здесь, начинает рыдать или метаться в иступлении. Еще чаще мне не верят и смеются, а потом начинают злиться и говорить, что напишут заявление в поли-

цию. А вы совсем как тот парень, который выжил, – он насторожился и прищурился. – В вас есть едва заметные его черты. Как будто, он был вашим прапрапрапрадедом... Пойдем, я кое-что покажу!

Он схватил Максимилиана за руку и потащил в коридор, где не было гладкого пола и светящихся камней. Здесь стало еще холоднее, и еще больше чувствовалась сырость. Фонари сияли все слабее, а пробираться приходилось ползком.

– Спасибо за приключения, – отрывисто произнес Максимилиан.

– Странный, странный, однако, человек...

Туннель начинал расширяться, и можно было передвигаться на коленях.

– Закрой глаза и ползи, – посоветовал мальчик.

– Зачем?

– Получишь большее впечатление.

Так они пробирались еще минут десять, можно было выпрямиться и идти, но мальчишка попросил так не делать, потому что можно с легкостью упасть на каменный пол.

И вот Максимилиан открыл глаза. Его изумлению не было предела. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Вся полукруглая «зала» переливалась разноцветием. Здесь были и драгоценности, и предметы домашней мебели, и даже небольшой участок чудесного сада, в котором росли все виды фруктов. Все это удивительно гармонично сочеталось и освещалось морем света.

Но не это поразило Максима. В самом центре, величиной в два метра, стояла картина. На ней была изображена девушка с лицом ангела. Костюм ее был из Средневековья, он подчинялся прямолинейным линиям, руки, плечи и грудь наглухо закрыты. Он состоял из желтого блио – туники, скрывающей ноги, платья и плаща – мантии. Линию талии завывшал жип. Платье плотно облегалo фигуру, повторяло линии тела от плеча и ниже талии, это придавало образу больше теплоты и изящества, само оно было из парчи, затканной золотыми и серебряными нитями, украшенной роскошной вышивкой, жемчугом и золотом. Рукава расширялись к низу и имели форму колокола и доходили до земли. Дополняли костюм девушки белые мягкие башмаки, украшенные вышивкой и драгоценностями. Маленькая сумочка свисала с пояса, на руках были перчатки. Прическа девушки представляла собой подхваченные обручем распущенные волосы, что позволяло им свободно спадать по плечам, груди и спине, в них вплеталось несколько цветков. В качестве головного убора можно было увидеть затейливую вуаль. Весь наряд был отделан мехами и драгоценными камнями, а шлейф превышал длину трех метров.

Это была Луна.

– Эту картину нарисовал тот, что выжил. Он тогда сказал, что изображенная на ней его спасет. Он ушел, а этот шедевр оставил здесь.

– Ты, должно быть, запомнил его имя. Как его звали?

– Умру, но ни мельчайшей детали не забуду про него. Его имя – Максимилиан. ...А ваше?

Глава 19

Он очнулся, когда на всю квартиру прокричала противная мелодия домофона.

– Кто?

– Твое солнце.

Дождаться звонка в дверь он не хотел.

– Луна?

Она улыбнулась, А Максим осторожно коснулся рукой ее плеча.

– Это что?..

Она засмеялась:

– Какой ты чудной! Это же я!

Но ему было совсем не весело:

– Я вовсе не про это. Я про кожу. У тебя появилось тело?

Ее лицо сделалось настороженным:

– Похоже, у тебя опять осложнение.

– Что ты несешь? Какое осложнение?

– Не волнуйся, я сделаю укол, и все будет в порядке, – она покопалась в сумочке и достала шприц.

– Эй, стой! Ты что творишь?!

Луна толкнула его к стене, повалила и прижала к полу. Ввела непонятное лекарство под лопатку.

– Вы меня слышите?

Лицо человека, склонявшегося над Максимилианом, показалось ему чрезвычайно знакомым. Место тоже. Белый пол, белые стены, потолок...

– Вы нас слышите? – мужчина четко произнес эти слова и наклонился еще ниже.

Максим все вспомнил. Это была та самая больница, из которой он месяца три назад сбежал, после того, как его сбила машина. Он хотел протянуть руку, но внезапно обнаружил нечто ужасное. Привязан. Ноги и руки сильно пережимались прочными ремнями.

– Где я?

– Вы в больнице. Вам помогут. Все будет хорошо, – произнес человек в белом.

– Что это за больница?

Мужчина тяжело вздохнул и переглянулся с людьми, стоящими позади:

– Психиатрическая. Но не стоит волноваться! Мы уверены, что вы скоро поправитесь.

– Какая больница? Какая психиатрическая?! Вы с ума сошли? Какая больница? Вас в психиатрическую! – Максимилиан орал во все горло, и извивался, пытаясь высвободиться.

– Успокойтесь! Немедленно принесите амисульприд, – крикнул он через плечо стоявшему рядом человеку.

– Пустите! Какая больница? Пустите! Пустите меня! Я не болен!

Кричал Максим, кричал врач, все голоса сливались и превращались в демонический вопль. Принесли лекарство, но вбежала Луна.

– Оставьте его! Я вколола дозу еще дома. Может быть отравление организма.

Максимилиан перестал кричать. Все удивленно переглянулись, кроме Луны. Она твердо произнесла:

– Уходите, я поговорю с ним.

Кто-то хотел возразить, но она прибавила:

– Я сказала всем выйти. Даже вам, Иван Алексеевич.

Она села на свободную часть кровати и дождалась, пока закроют дверь. Потом еще долго молчала, подошла к окну, с обратной стороны которого была решетка.

– И что ты наделал?

– Что?

– Зачем ты все это устроил?

Максим не понимал. Луна достала нитку, ту самую, что выпала, когда Максимилиан сбегал отсюда.

– Это все, что от тебя осталось... Так странно. Ты был, а потом ушел. Тебе здесь не понравилось? Мне тоже не нравится. Ты сейчас уже далеко, и они тебя точно не найдут. Жестокие люди, увязшие во тьме. А ты стремись к свету. Всегда. Помнишь?

– Помню. Я слышал это, когда ехал на крыше автобуса.

– Знаю, ты мне рассказывал. Но тогда тебе не удалось сбежать. Тебя поймали, ты бредил. А я сидела рядом и говорила с тобой. Я верю, что ты не сумасшедший.

– Сумасшедший?

– Они считают, что у тебя диссоциативное расстройство идентичности, или шизофрения. Твой случай особенный. Один из твоих «Я» лежит здесь, а второй знакомится с Эсперансой, Люцией, совершает необдуманные поступки, сходит с ума, попадает под машину и бродит по лабиринтам.

– Откуда ты все это знаешь?

– Иногда ты приходил в себя и рассказывал мне. Иногда бредил и выкрикивал слова, я, частично, понимала, о чем ты пытаешься сказать.

Максимилиан молчал. На белом полу появились золотые квадратики. Девушка сидела и смотрела на них.

– А ты? Неужели ты...

– Я Луна. Меня ты тоже видел. Ты говорил, что ночью мои глаза становятся золотыми, а днем, – она посмотрела Максиму прямо в глаза, – вот такими.

Голубые глаза, белые волосы.

– Зачем ты меня дурачишь? Мне же не приснилось все это?..

– Не знаю. Может, это твоя душа... путешествовала.

– Значит, ничего не было, я все время лежал здесь? В психушке?

Луна кивнула.

– Я уверена, что скоро ты выздоровеешь. Ты согласен лечиться?

– Да. Но, как я понял, отключаюсь неосознанно...

– Это так... Больше этого не повторится.

– Откуда ты знаешь?

Она задумалась:

– Не знаю. Чувствую.

Глава 20

В это утро Луна нарушила два главных правила, которые могли напугать и спровоцировать больных: она бежала по коридору и кричала:

– Максимилиан! Тебя завтра выписывают!

Он не поверил своим ушам. Уже три месяца за ним ежеминутно следили, давали таблетки и мучали психологом и психиатром. Каждый день он старался запомнить лишь одно: вот уже десять лет он лежит здесь, он никуда не уходил, он никуда не уходил, волшебства нет, Люции нет, Эсперансы нет. Он просто был болен.

– Постарайся ничего не натворить, – повторяла Луна.

– Хорошо. Ты же знаешь, я полностью здоров.

– Знаю.

Максим внезапно побледнел:

– А как же ты? Мы больше не увидимся?

Луна засмеялась:

– Какой ты смешной. Я буду жить с тобой. Больница – всего лишь место работы.

Максимилиан смутился:

– А где ты жила раньше?

– Раньше? – она задумалась. – Раньше я жила у бабушки, но она умерла, а квартиру продают.

Свет не властвовал, его заслоняли тучи, но, тем не менее, настроение было превосходным. Ни погода влияет на настроение, настроение влияет на погоду. Сейчас было туманно и это предавало некую загадочность.

Луна, как всегда, сидела на подоконнике, в тысячный раз, нарушая правила. Слово «правило» она никогда не употребляла. Это было что-то «таким земным». А она другая. Для нее, порой «отлетающей», а иногда безумной, нельзя было придумать лучшего места работы. С чекнутыми и сумасшедшими она была как бы в одном пазле. Убери – и общая картина не сложится. Но они – мрак. Врачи – звезды. Луна – Луна. Она, действительно, была единственным светом. И хотя Луна на самом деле не сияет, а лишь отражает Солнце, ее свет не может ранить. Никогда. Даже, если долго смотреть.

Максимилиан так и делал. Он всегда смотрел только на нее, чувствовал ее энергию и видел свет.

Она почему-то никогда не приходила ночью. Этот закон Луна всегда соблюдала. Максим не раз задумывался о том, что ее глаза становятся золотого цвета, как и волосы, и что он не совсем сошел с ума, но... Она только молча смотрела

голубыми глазами, слегка улыбалась, и он понимал, что исключения не будет.

День плелся очень медленно. Максимилиан с Луной шепотом проклинали время, доказывая, что его нет. Шепотом, потому что их могли услышать, и тогда пришлось бы просидеть в больничной клетке не менее года, с ненавистью в душе и понимающим лицом глядя на врача, показывающего стрелки часов и их движение.

Но всему приходит конец. И вот Луна зашла, чтобы пожелать спокойной ночи.

– Я тебя люблю, – донесся ее тихий голос, – спи.

– Люблю тебя.

Она поцеловала его руку, и Максим на мгновение... Нет.

Ночью он, конечно, не спал. Считал песни сверчков и смотрел на глупых бабочек, опаляющих крылья и падающих на землю, подлетая к фонарю и долго сидя там. Почему насекомые любят свет? Наверное, потому что они холодные. Они хотят тепла, но не могут согреть друг друга.

Желтая машина, просигналив два раза, въехала во двор вместе с восходящим солнцем. В это время в палату вбежала Луна и радостно крикнула:

– Бежим!

Бежать им конечно не стоило. Но это восклицание предало торжественному моменту еще больше радостных эмо-

ций. Процедура подготовки документов тянулась бесконечно долго, и, казалось, никогда не закончится. Максимилиан сидел рядом и почти не дышал. Луна стояла у двери.

– Что с вами? Выдохните, – произнес врач.

– Извините, – Максим стал быстро вдыхать и выдыхать.

Доктор покачал головой.

Сейчас главным было ничего не испортить. Случалось такое, что людей уже сажали в машину и желали счастливого пути, но через четверть часа привозили в неадекватном состоянии, снова привязывали к кровати.

– Вот все, что необходимо забрать и купить. Луна проводит вас до машины. Счастливого пути! Не раздваивайтесь, – он хотел засмеяться, но стало понятно, что шутка не удалась.

Когда они подходили к автомобилю, Луна шепнула:

– Жди меня в семь, – попрощалась и ушла, даже не оглянувшись.

Дорога к дому Максиму показалась знакомой, казалось, он шел по ней вчера. А ведь его не было десять лет. Что же случилось с квартирой?

Подъезд, лестница, площадка, лестница, дверь, ключ. Все то же самое. Не изменилось абсолютно ничего. Он запутался. Но нельзя давать мыслям атаковать. Чтобы отвлечься, Максимилиан решил почитать. Это немного помогло. Потом побрел по улицам и, увидев некоторые изменения, успокоился. Придя домой, стал разбирать свои книги. А уже через час раздался звонок. Это конечно была Луна. Он накормил ее

ужином и стал расспрашивать, хотя этого делать совсем не хотелось.

– Почему в моей квартире ничего не изменилось?

– Я жила здесь.

– Ты? А как ты сюда попала?

Ты сам дал мне ключ, когда только попал в больницу.

– Ладно... Почему тогда не сделала здесь все по-своему?

Ты ведь жила здесь так долго.

– Мне нравится так. Как у тебя. Я хочу все оставить.

– Где же твои вещи?

Она прошла в комнату и открыла шкаф.

– Вот. Он все равно пустовал. Но если тебе не нравится, я могу перевесить.

Но Максим не смог ответить. На самом видном месте, за-
слоняя все вокруг висящее, располагалось то самое платье.
Черное. Из бархата.

– Откуда оно? – произнес он, едва дыша.

Луна улыбнулась и, отвернувшись к окну, объяснила:

– Когда ты приходил в себя, говорил о нем. И, увидев та-
кую красоту в магазине, я поняла, что это именно оно. Воз-
можно, когда-то давно, до болезни, ты тоже его обнаружил, и
в твоей памяти отложилось воспоминание о нем. Его ты ис-
пользовал в «своих» мирах, – она обернулась и, спустя неко-
торое время, предложила, – Давай сходим на бал?

– На какой бал?

– На какой захочешь.

– Ладно. Пойдем.

Глава 21

Луна очень любила необычные фотографии. Таких было мало, поэтому Максимилиан стал фотографом. Эта идея ему пришла спонтанно, когда они гуляли, и осуществилась очень быстро. Он часто экспериментировал с зеркалами, хотя Луна не одобряла эту затею. Она не объясняла, почему это не хорошо, но через некоторое время совсем перестала проявлять интерес к работе Максима. Ему пришлось прекратить. Тогда он стал снимать воду, фонари, закаты и, конечно, ее. Его работы, на которых не было ничего особенного, приобретали новый смысл. Они воспринимались абсолютно иначе, нежели смотрелись в реальном мире.

Луна же за три года успела стать главным врачом. Каждый день она увлеченно рассказывала Максимилиану о произошедшем с ней сегодня, и каждый раз из этого получался целый роман, сказка или триллер. Бывало, все это сразу. Порой, заканчивались они не совсем так, как принято. Кто-то из пациентов окончательно сходил с ума, кто-то умирал. Редко. Больные, все без исключения, хотели уйти в мир иной именно тогда, когда рядом была Луна. Некоторые очень завидовали тем, кому это удалось осуществить. Ее считали волшебницей, магом, ангелом. Кем угодно. Еще ходили слухи о колдовстве, о том, что она ведьма, ведь добро не может

быть столь притягательным, не может так завораживать и манить, оно должно быть скрытым и тихим, понятным, но незаметным. Но час жителей «маленького мира» не утратившая способность мыслить, непременно отвергала это предположение, хотя в понимание кого-то, зло не являлось чем-то плохим и недостойным внимания. Они не думали, что нужно убивать людей, они не хотели издеваться над кем-то, просто в их понимании зло – час дороги к счастью. А счастьем они считали смерть. Смерть рядом с Луной. Той же системы придерживалась «добрая» часть населения, они считали, что добро ведет к счастливой смерти. И только несколько человек боялись того, что будет после нее.

Обладая гипнозом, Луна всегда знала. Чего хочет каждый, она могла услышать или «прочитать» мысли. Успокаивая, она никогда не кричала, движения ее были плавными и элегантными.

Не смотря на то, что она половину, а иногда и больше времени проводила на работе -маленьком мире, как она всегда ее называла, любовь к Максимилиану ни на секунду не угасала. Они могли часами смотреть друг на друга и молчать. Они чувствовали друг друга. Каждый понимал, слова ни к чему. Тем не менее, с каждым днем обнаруживалось большее количество общих интересов. А число разногласий и непониманий равнялось нулю. Максим приобрел популярность, печатая и продавая фотографии.

Солнце, просыпаясь, издавало все больше света.

Глава 22

– Могу тебя обрадовать: моя книга стала первой в рейтинге! – Максимилиан умиротворенно улыбнулся. – Приглашают на конференцию. Ты пойдешь со мной?

– Конечно. Я знала, что так и будет, – Луна подняла голову.

Все небо было исчерчено полосками, которые оставили самолеты. Они образовывали загадочный узор.

– Они не такие, как все, – прошептала она, – они живут... Растворяются и умирают. В них так много человеческих душ. Светлых человеческих душ. Поэтому самолету необязательно махать крыльями, – она помолчала. – Но если появятся плохие души, он непременно умрет, потеряв легкость. Самолет, металлическая птица, умрет...

Максим задумался и тоже посмотрел ввысь. Они стояли на людной площади, поэтому каждый человек, видя их, тоже закидывал голову. Кто-то лишь на долю секунды, а некоторые останавливались и любовались небом.

Луна не хотела идти домой. Такое бывало часто.

– Мне очень много заплатят, – Максимилиан достал лист бумаги, на котором было что-то написано.

Но Луна, даже не посмотрев, спросила:

– Зачем тебе деньги? У тебя же есть я?

– Они мне и не нужны. Деньги никогда не были мне нуж-

ны. Простоя пять лет трудился над созданием этой книги, а работала только ты. Это не совсем правильно... наверно. Теперь нам будет проще.

В первый раз за все время Луна ответила весьма агрессивно:

– Разве нам было тяжело? Мы же вместе. У тебя есть я, ты есть у меня, что еще нужно? Ты говоришь о каких-то деньгах, но даже не знаешь, что это такое. Бумага. Грязная бумага. Абсолютно ничего незначащая.

Максим немного смутился:

– Прости, я совсем не думаю, о чем говорю.

Луна отвернулась, казалось, что ей хочется плакать:

– Не проси прощения, все хорошо. Ты прости, – она обняла его и разрыдалась. – Я так люблю тебя... Каждый раз... Люблю... Но тебя... Ты совсем другой... Если бы можно было все забыть... А я так люблю... Жестоко поступать так со мной... Совсем ничего не останется... Ты уйдешь... Уйдешь... Люблю... Люблю... Люблю....

Теперь Луна все время повторяла, как сильно любит его. Иногда ее речь становилась несвязной. Максимилиан, понимая, что что-то не так и страдая, пытался спросить, что все это значит. Но она не привыкла отвечать на вопросы. Они были вместе почти девять лет, и никогда Максим не видел тревоги в глазах Луны, отчаяния и бессилия. В последнее

время он стал известным и узнаваемым фотографом и писателем. В деньгах они не нуждались, и он уговаривал Луну бросить работу, подумывая, что ее поведение связано с окружением психически нездоровыми людьми. От этого она еще больше злилась и могла запереться в комнате.

Однажды, ему даже показалось, что она хочет что-то рассказать, но зазвонил телефон. А когда после разговора Максимилиан вопросительно посмотрел на Луну, она отвернулась и вновь надолго замолчала.

Глава 23

– Полетишь со мной на Солнце?

Был вечер. Они, как много лет назад, сидели на крыше, а Светило медленно опускалось. Небо было чистым, слегка прозрачным, в звездочку. Это высоко летали птицы. Свободные и не городские. Они молчали, пытаясь сохранить прекрасный звук тишины.

Максимилиан оживился и улыбнулся:

– С тобой куда угодно.

Но Луна осталась печальной:

– Хочешь, я тебе все расскажу?

Сердце Максима стало биться часто-часто:

– Хочу.

Луна снова замолчала. Птицы сделались незаметными, потому что небо темнело. Солнце садилось очень медленно.

Казалось, его кто-то тянул вверх, но оно, огромное и раскаленное, побеждало. И вот, когда скрылся последний луч, Луна подошла к краю крыши.

– Закрой глаза, – произнесла она.

Максимилиан послушался и через несколько секунд чуть не ослеп, хотя веки его до сих пор были опущены.

– Открывай.

Солнечно-золотистые волосы, глаза... Все тело излучало свет.

– Я знал, что это не сон. Человеческое воображение не может выдумать такое.

– Конечно. Я так боялась, что ты все время будешь об этом думать и вспоминать.

– Конечно, я думал, – его глаза были полны счастья и тревоги. – Значит... Эсперанса и Люция – они все есть? А ты? Кто ты?

Она стала говорить медленно:

– Много лет назад ты встретил в парке девочку, Эсперансу. Она выросла. За несколько секунд. Такое может быть? Нет. Дальше Люция. Ты научился летать. Такое бывает? Нет. – Луна опять замолчала, и тишина длилась долго. Час, два... – Я... Я даже не знаю, кто я. Такие, как мы... Нас не больше семи. Мы не рождаемся, не умираем. Мы просто есть. Иногда опускаемся на Землю, чтобы полюбить. Но нам запрещено показываться людям, нельзя даже говорить с теми, кого любишь.

Небо вращалось, звезды передвигались. Так казалось. Но, скорее всего, это впервые ощущалось вращение планеты. Или кружилась голова. Или все стало живым. Или они сошли с ума.

– А ты... Ты совсем другой. Ты, как один из нас, только случайным образом отправленный на землю. И, увидев тебя, я полюбила так, как никогда раньше. Я поняла, что не смогу не познакомиться с тобой. Но нам ведь нельзя появляться в вашем мире. Тогда мне пришла идея создать свой, тот, в который я могу забрать тебя и быть с тобой. Все что ты видел, все, что с тобой происходило, даже сны – это все придумывала я. Эсперанса, Люция, контролерша и мальчик в лабиринте... они не злые и не добрые. Это все я. Я показала тебе всю эту сказку вначале только из-за того, что никаким другим образом не могла переместить тебя из одного мира в другой. А потом... Мне не хотелось, чтобы ты на самом деле сошел с ума. Мне самой мечталось пожить обычной жизнью. Жизнью людей. Для этого мне пришлось еще раз обмануть. Но, согласишься, мне удалось. Мне кажется, что это правильно, иначе... Я не знаю, что было бы. Все равно, прости меня за то, что я столько раз тебе врал. С самого начала у меня не было сложившегося сценария. Все импровизация. Так прошло девятнадцать лет, ты помнишь? Но сегодня нам нужно расстаться. Сегодня, в четыре... утра или ночи. Я не знаю, как назвать это время суток. Я не должна была ничего говорить. Но я не знаю, как буду существовать без тебя... – она

замолчала, и слезы скатывались по бледным щекам и падали на серое покрытие крыши. – Тебе все еще семнадцать лет. Не сорок восемь, семнадцать. Ты сидишь на скамейке в парке и переживаешь из-за той девушки... Когда ты проснешься, ты окажешься там. Ты ничего не забудешь. Это еще больше осложнит твою жизнь. Ты никого никогда не полюбишь. Никогда. Ты будешь известным и богатым...

– Зачем деньги, если нет тебя? Зачем быть, если нет тебя? Зачем жить, если нет тебя? Почему тебя нет? Кто ты? Где ты? Ты – моя любовь? Почему тебя нет? Скажи мне, что это сон! – Максимилиан кричал и рыдал.

Рыдал. Он не променял свои слезы на смех Эсперансы. Потому что ее нет. Потому что смеха нет. Потому что Лиции, ставящей условия, нет. Потому что ничего нет.

– Это сон. Это кошмарный сон. Для тебя. Для меня тоже. Только ты умрешь. Пусть через девяносто лет, но ты умрешь, и страдания прекратятся. А я нет. Я буду вечно быть. Я буду вечно страдать. Я буду вечно любить. Только тебя. Всегда. Бесконечно. Во веки веков.

– Нет, так не будет! Так не будет! Я улечу с той! Что мне делать? Забери меня!

Она престала плакать и слегка безумно улыбнулась:

– Тогда ты тоже станешь вечным. И, скорее всего, мы никогда не увидимся. Может быть, но это маловероятно. Нас разбросают по разным Вселенным. А ты будешь меня любить. Ты будешь испытывать страдания. И они никогда не

закончатся.

– Лучше так. Лучше мы будем видеться раз в триллион лет, а я буду страдать. Но я не смогу жить без тебя.

– Нет. Я слишком сильно люблю тебя, для того, чтобы позволить тебе улететь со мной, потеряться во Вселенной.

Глаза Максима помутились, он опустил голову. Через несколько минут резко поднявшись и воскликнув, быстро, скороговоркой сказал:

– Если ты не позволишь мне лететь с тобой, я убью себя. Там, в нашем мире. Ты же сказала, что я все буду помнить. Попаду в ад, а там мои страдания точно не закончатся.

Она мягко улыбнулась:

– Я знала, что ты не с Земли... Хорошо, пусть будет так. Скоро начнется восход. Я прыгну с крыши и рассеюсь. Если у тебя получится так же – значит Там тебя принимают.

Максим кивнул и сел поближе к Луне. Они держались за руки.

– Луна, Луна, Луна, – бормотал он. – Как я тебя люблю...

– Я тебя тоже, – она помолчала. – Если все свершится, тебя будут звать Свет... Я Луна, а ты Свет...

– Свет от Луны...

Погасли уличные фонари. Небо переходило от черных тонов к фиолетовым, от фиолетовых к голубоватым. Птицы, проснувшись, летали по кругу. Нагулявшаяся ночью кошка юркнула в подвал. Вдалеке загудела сигнализация.

В глаза Максиму бросился парк. Там была скамейка, на

которой сидел юноша. Выражение лица его было обеспокоенным и печальным.

– Это я?

– Да. Кажется, мы возвращаемся.

Максимилиан внезапно спросил:

– А что будет со мной?

– Полетишь...

– Нет, с тем, – он указал пальцем на себя, находящегося в парке.

– В этом теле будет пребывать душа другого человека. Я пока не решила, кого именно. Никогда в жизни он не подумает о том, что мог бы родиться кем-то еще. У него будут все те знания, что были у тебя, он также будет любить своих родителей и ту девушку, – она помолчала. – Но не такой любовью, как мы... Нам пора. Солнце уже высоко. Прощай?

– Не прощай. До свидания, моя любовь.

– До свидания, мое солнце, – Луна поцеловала его.

Они взялись за руки и вместе спрыгнули с крыши.

В тот же момент все заискрилось и рассыпалось. Пропал серый мир: дома, машины, асфальт и магазины. Исчезли звуки. Максим почувствовал легкость и невесомость, пропало тело. Он летел вместе с Луной. Их не разлучили. Они всегда будут вместе. Свет и Луна. Сияя, их души удалялись все дальше от Земли выше и выше, там становилось тепло и спокойно. Там обитала любовь.

Эпилог

Максимилиан поднялся со скамейки и зашагал, шаркая ногами. В голове его ютились мысли, которые могли покори́ть весь мир. Так думал. Он был зол от своего несчастья и никчемности. От того, что над ним насмеялись и отвергли.

Но увиденное заставило его забыть обо всем. Впоследствии, Максим написал об этом явлении книгу. До самой смерти в его воспоминании сохранялся лишь один образ: высоко над городом, в небе, едва видные очертания людей поднимаются вверх, излучая вполне заметный для человеческого глаза лунно-солнечный свет.

05. 2017 – 11. 2017